

Макс Глебов

ЗАПРЕТ НА ВМЕШАТЕЛЬСТВО

ЛУНА ЦВЕТА СТАЛИ

Запрет на вмешателство

Макс Глебов

Луна цвета стали

«Автор»

2020

Глебов М. А.

Луна цвета стали / М. А. Глебов — «Автор», 2020 — (Запрет на вмешательство)

Новые возможности, появившиеся у лейтенанта Ирса после восстановления связи с Лунной базой, позволяют ему более точно оценить расклад сил в мире и понять, что успехи СССР в войне с Германией могут в ближайшем будущем обернуться для Советского Союза очень большими проблемами. Однако пока это понимание есть только у него одного, и убедить руководство СССР в том, что меры нужно принимать как можно скорее оказывается очень непросто. Новая угроза становится все реальнее, и генерал-майору Петру Нагулину предстоит столкнуться не только с вооруженным сопротивлением вермахта, но и со сложившимися стереотипами мышления лидеров СССР, способными прямой дорогой привести страну к войне против всего мира.

© Глебов М. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Макс Глебов

Луна цвета стали

Глава 1

Вторая ударная армия ушла вперед в направлении Любани, а мой корпус оставили охранять левый фланг прорыва на участке, непосредственно прилегающем к западному берегу Волхова. Осознав масштабы проблемы, генерал-полковник фон Кюхлер решил не наносить немедленного удара под основание выступа, образованного советским наступлением, а сосредоточиться на замедлении продвижения армии Клыкова.

В результате, на моем участке фронта установилось временное затишье, чему, честно говоря, я был только рад. Корпус потерял четверть личного состава и больше трети танков. От авиаполка Кудрявцева почти ничего не осталось. Практически все уцелевшие самолеты нуждались в ремонте, а сам полк, сделавший в этой операции все, что было в его силах, по хорошему, следовало немедленно отводить в тыл на переформирование. В добавок к этому артиллеристы полковника Цайтиуни расстреляли все спецбоеприпасы. Аналогично обстояли дела и у полка «Катюш» – термитных снарядов осталось на один полный залп. Так что в бой я не рвался, да и командование Волховского фронта прекрасно понимало, что моему корпусу нужно дать передышку на пополнение поредевших частей людьми и техникой.

Спихнув все текущие дела на подчиненных, я приказал без крайней необходимости меня не беспокоить и закрылся в рабочем кабинете, оборудованном в одном из уцелевших зданий бывшей школы авиамехаников в деревне Селищи на восточном берегу Волхова. Здесь, наконец, у меня появилась возможность спокойно разобраться с новой информацией, столь неожиданно свалившейся на мою голову прямо во время боевого вылета.

Я понимал, что много времени мне не дадут. Звонок из Москвы или из штаба фронта мог последовать в любую минуту. Я не испытывал никаких сомнений в том, что в должности командира корпуса, успешно выполнившего наступательную задачу и теперь надолго севшего в оборону, меня не оставят. Тем не менее, на несколько часов паузы я все же рассчитывал.

Отчет искусственного интеллекта Лунной базы вызвал у меня противоречивые чувства. Полномочия командующего – это, конечно, хорошо, вот только командовать мне, похоже, выпало обломками и руинами. Крейсер повстанцев сделал свою работу очень качественно. По сути, относительно целыми остались только некоторые помещения нижнего уровня базы, причем далеко не самые важные. Что-то из разрушенных коммуникаций и оборудования можно было восстановить, но точных данных о состоянии некоторых секторов и даже целых уровней базы у вычислителя не имелось – немногие уцелевшие ремонтные дроны не смогли пробиться туда через многометровые завалы из обломков пластобетона, образовавшиеся при обрушении перекрытий.

С надеждами, что где-то на дальнем складе уцелел резервный истребитель или хотя бы какой-нибудь завалящий невооруженный скутер научной группы пришлось расстаться сразу. Даже находясь в режиме консервации, такая машина немедленно отозвалась бы на запрос центрального вычислителя базы и отправила бы ему сжатый доклад о состоянии ключевых систем.

На самом деле, то, что удалось сделать выжившим при атаке дронам, лишенным единого руководства и изолированным друг от друга в полуразрушенных помещениях и коридорах, следовало считать редкой удачей. Довольно скромный искусственный интеллект одного из восьми уцелевших ремонтников взял на себя координацию действий стихийно сложившейся бригады, и за десять месяцев дронам удалось частично восстановить энергоснабжение базы и, главное, пробиться к блоку центрального вычислителя и запустить два из семи его системных

модулей. Дальше ремонт продвигался уже более планомерно. ИИ базы взял на себя руководство работами, да и полномочий на опрос и подчинение себе оборудования и систем, сохранивших хотя бы частичную функциональность, он имел куда больше, чем дроны-ремонтники.

Система дальней связи накрылась окончательно и бесповоротно, чего и следовало ожидать – мятежники уничтожили ее в первую очередь, не пожалев на такую цель десятка ракет дальнего радиуса действия. С ближней связью все обстояло несколько лучше, хотя поначалу слабые передатчики ремдронов с трудом дотягивались даже до спутников на орбите Земли. Эти аппараты были рассчитаны на функционирование в пределах Лунной базы, и системы связи не являлись их сильной стороной. После запуска центрального вычислителя эта проблема решилась, но, как оказалось, продвинуться дальше в восстановлении базы своими силами ремонтные дроны не могли.

Для разбора завалов требовалась тяжелая техника. Единственный неплохо защищенный универсальный проходчик, имевшийся на базе, оказался погребен под тоннами грунта и обломками перекрытий в одном из ангаров на втором подземном уровне. Он отозвался на запрос центрального вычислителя и даже доложил, что не получил серьезных повреждений, но самостоятельно выбраться из-под завала этот аппарат так и не смог, хоть и пытался, так что помощи от него в обозримой перспективе ждать не следовало.

Ни вычислитель арсенала, ни передатчики находившейся в нем боевой техники на запросы не отвечали. Это означало, что abordажные роботы и другие автономные механизмы уничтожены или сильно повреждены, иначе они давно бы вышли на связь.

Жилой модуль тоже сильно пострадал, но там ничего особо ценного для меня и не имелось. Конечно, по мелочи уцелело много интересного. Например, ремдронам удалось извлечь из-под завалов и привести в порядок два ручных стрелковых комплекса «РОК-М», принадлежавших погибшим пехотинцам из роты охраны базы. Правда, для использования этого оружия требовался боевой скафандр с экзоскелетом, а ни один из них не уцелел, по крайней мере, в доступной для ремонтников части базы.

От остального оборудования, найденного и восстановленного дронами, мне было ни тепло, ни холодно, во всяком случае пока я здесь, на Земле, а оно там, на Лунной базе. Тем не менее, свою порцию плюшек я все-таки отхватил. Во-первых, я, наконец-то, получил доступ к сети разведывательных дронов, автономно действовавших все это время на поверхности планеты. Ну а во-вторых, теперь я имел возможность черпать информацию не из предельно урезанных баз данных вычислителя спасательной капсулы и куцых мозгов спутников на орбите, а из обширных хранилищ центрального вычислителя базы, содержавших данные по истории Шестой Республики и других человеческих цивилизаций, включая детальные сведения об их технологиях времен докосмической эры.

Но и это еще не все. Искусственный интеллект центрального вычислителя Лунной базы на порядки превосходил по своим возможностям все, что имелось в моем распоряжении до сих пор. К примеру, ситуации, в которую попал мой воздушный конвой, доставлявший грузы в Ржевский котел, он бы просто не допустил. Вычислитель спасательной капсулы не смог адекватно оценить угрозу, исходившую от рассредоточенной по большой территории зенитно-прожекторной засады немцев, а ИИ Лунной базы немедленно предупредил бы меня об опасности. Точно так же на порядки возросли возможности анализа информации, собираемой наземными дронами. Эти небольшие и весьма разнообразные механизмы, прикрытые мощными маскировочными полями, проникали в самые секретные и тщательно охраняемые бункеры, на военные заводы, в закрытые лаборатории и в любые хранилища секретной документации. Пока центральный вычислитель находился в отключке, они функционировали автономно, продолжая выполнять задания, полученные еще до атаки на базу. Теперь же управление сетью дронов вновь оказалось в руках искусственного интеллекта, готового начать целеустремленно собирать информацию, причем именно ту, которая важна для решения задач, поставленных

научным и военным командованием Лунной базы, в данный момент сосредоточенным в моих руках.

К сожалению, никаких задач, кроме разведки, дроны решать не могли. Запрет на вмешательство был придуман не на Лунной базе, а в куда более высоких сферах, и помимо инструкций и регламентов, в которых он проходил красной нитью, он учитывался и при создании исследовательской техники. Никакого оружия у дронов не имелось, как и приборов двойного назначения. Конструкторы сделали все возможное, чтобы у пользователей наземных зондов было как можно меньше возможностей влиять на ход развития исследуемой цивилизации.

Полковник Нивен своим приказом отменил для меня запрет на вмешательство. Видимо, в той ситуации он обладал чрезвычайными полномочиями, раз уж искусственный интеллект Лунной базы не поставил под сомнение легитимность этого решения. Вот и сейчас по поводу моих действий на планете я не услышал от центрального вычислителя никаких комментариев. ИИ был готов подчиняться моим приказам, хотя, честно говоря, я опасался его сопротивления. В определенной степени меня это даже напрягало. Это что же такое должно было случиться, чтобы беспристрастный искусственный интеллект позволил себе подчиниться приказу полковника Нивена, явно нарушавшему директивы вышестоящего командования?

– Центральный вычислитель, на связь, – потребовал я.

– На связи, – прошелестел в моей голове негромкий ответ.

– Переключись на женский голос.

– Выбор на мое усмотрение?

– Нет. В штате научной части базы состояла сотрудница по имени Летра. За месяц до нападения мятежников она покинула базу и улетела в центральные миры.

– Подтверждаете выбор?

Я вздрогнул. Последний вопрос был задан голосом моей бывшей подруги. Все интонации имитировались настолько точно, что мне показалось, будто Летра находится рядом со мной, и стоит лишь оглянуться, и я увижу женщину, о судьбе которой мне уже почти год ничего неизвестно.

– Да, – подтвердил я выбор и не удержался от вопроса, мучавшего меня в первые месяцы после посадки на Землю, – о ее судьбе после начала мятежа что-то известно?

– Инженер-исследователь Летра была отозвана с Лунной базы в Центральную Республиканскую Академию для получения нового назначения. В базе данных имеется подтверждение факта ее убийства в Метрополию. Транспорт «Барк-86» должен был прислать навигационной системе базы доклад об успешном завершении первого гиперпрыжка, однако на связь он так и не вышел.

Некоторое время я молча смотрел в окно. Было больно. Я даже не ожидал от себя такой реакции, считая, что все мои чувства к Летре давно перегорели, особенно если вспомнить обстоятельства нашего расставания. Все-таки я тогда очень привязался к этой девчонке, и ее исчезновение из моей жизни стало для меня тяжелой потерей. Мы были слишком разными и по уровню образования, и по социальному статусу. Я видел, что ей хорошо со мной, и сам в ее обществе чувствовал себя легко и комфортно, но перспектив у наших отношений не было никаких, что и подтвердилось, когда на имя Летры пришел запрос из Академии. Жертвовать научной карьерой ради простого лейтенанта она не захотела, да мы ни разу и не обсуждали такую возможность – все и так было ясно. Конечно, сейчас эти переживания воспринимались уже как что-то давно прошедшее, но они связывали меня с прошлой жизнью, полностью отказаться от которой я не мог и не хотел.

– Теперь твое имя – Летра, – произнес я, подавив вздох.

– Принято.

– Мне нужен краткий отчет о событиях в Метрополии и колониях Шестой Республики за последний месяц, предшествовавший нападению крейсера мятежников на Лунную базу.

– Какого характера события вас интересуют?

– Тебя. Называй меня на «ты».

– Принято. Так какие события тебе нужны?

– Все, что имеет отношение к мятежу и атаке на базу. Меня интересуют причины этого безумия и его масштабы.

– О причинах данные неполные. По дальней связи приходили сведения о вспышках мятежа во всех крупных колониях. Очаги неконтролируемой и немотивированной агрессии стали возникать повсеместно почти одновременно. Они сопровождались неадекватным поведением граждан, носившим признаки виртуального психоза в крайне тяжелой форме.

– В чем это проявлялось?

– Отдельные люди и организованные группы граждан, включая военных, госслужащих и сотрудников охраны порядка, действовали агрессивно и осмысленно, пребывая в полной уверенности, что они находятся в виртуальных тренажерах и отрабатывают учебно-тренировочные задачи, поставленные командованием. Многие граждане считали, что находятся в игре и выполняют игровые задания. Изначально поведение и мотивация у разных групп сильно различались, но независимо от исходного посыла, все пораженные психозом быстро находили общий язык друг с другом, принимая единую концепцию происходящего и совершенно не воспринимали аргументы людей, не пораженных психозом, считая их ботами или неигровыми персонажами.

– То есть офицер флота, уверенный, что ведет свой корабль в учебный бой на виртуальном тренажере, и встретившийся ему геймер, охотящийся с дубиной на цифровых монстров, прекрасно понимали друг друга?

– Да. Причем геймеры быстро отказывались от сценариев своих игр и принимали легенды тех заболевших, чьи виртуальные миры были наиболее близки к реальности, то есть полицейских и военных.

– Получается вся команда крейсера, атаковавшего Лунную базу, спятила?

– Это не вполне точный термин. По-своему все эти люди были совершенно нормальными. Просто они перестали отличать реальный мир от виртуальности. Вернее, виртуальный мир стал для них более реальным, чем настоящий.

– Но кто заставлял их нападать на обычных людей? Они ведь должны были получать чьи-то приказы! Разве может находящийся в здравом уме офицер Шестой Республики нормально воспринять учебную задачу по штурму собственной столичной системы? А наша база! Во флоте все старшие офицеры знают, зачем мы изучаем слаборазвитые цивилизации. Как можно объяснить такое учебное задание, как уничтожение своей же научной станции? Кому и зачем нужна отработка таких навыков?!

– Они считают обычных людей зараженными, причем зараженными опасно – с возможностью передачи своей психической болезни другим. Их сознание как бы вывернулось наизнанку, перенося все, что случилось с ними самими на граждан, не попавших под воздействие виртуального психоза.

– Но кто ставил им задачи, координировал действия, руководил флотами и армиями? Хотя, подожди... кажется, я понимаю. Они объединялись, используя штатные флотские, полицейские и армейские системы связи и выстраивали собственную вертикаль командования, как будто никакого виртуального психоза и не было. Для них ведь реальность стала другой.

– Примерно так и происходило. Сначала возникал хаос, а потом заболевшие очень быстро организовывались, опережая в этом обычных граждан, даже военных и стражей порядка. Правда, не везде. В некоторых колониях заболевших удавалось быстро изолировать, и тогда армия и флот оказывали силам мятежников серьезное сопротивление.

– Откуда взялась эта болезнь?

– Считается, что это недокументированный и неучтенный негативный эффект технологии «ВИРТ-N» с псевдобесконечным количеством виртуальных степеней свободы. Производитель обещал полную неотличимость от реальности, но новая виртуальность оказалась для человеческого сознания сильнее реального мира. Эффект обнаружился не сразу. Технологию так торопились вывести на рынок, что ограничились трехмесячными испытаниями, а для накопления критических изменений в системе нейронных связей пользователя требовалось больше времени. И еще нужен был толчок – некая пиковая нагрузка на мозг, которая переключит восприятие мира с реального на виртуальный, то есть подменит один мир другим.

– И что послужило толчком?

– Запуск галактической гиперсети. После ее ввода в эксплуатацию время, проводимое средним пользователем в виртуальности, возросло на треть. К моменту запуска единой сети был приурочен выход целого ряда игр нового поколения, специально заточенных под технологию «ВИРТ-N». Этого оказалось достаточно.

– Что было дальше?

– Человечество распалось на две части. Мятежников, а точнее, заболевших, оказалось меньше, но они были гораздо сильнее мотивированы и совершенно не боялись смерти, хотя к ней и не стремились – вполне ожидаемое поведение для человека, считающего, что он находится в игре или учебном бою, где погибнуть обидно, но смерть не настоящая.

– Кто побеждал в войне, когда крейсер мятежников атаковал Лунную базу?

– Нет сведений. Колонии переставали выходить на связь и исчезли из гиперсети одна за другой. Волна мятежа накрыла даже окраинные независимые планеты. Метрополия замолчала за неделю до удара по Лунной базе. Более поздних данных у меня нет.

– Все-таки мы убили себя сами... Не было никакого внешнего фактора. Всё произошло так же, как и со всеми остальными до нас, только продержались мы чуть дольше.

– Говорить о полной гибели цивилизации преждевременно. Некоторая часть населения могла уцелеть, однако имеющиеся у меня алгоритмы прогнозирования позволяют утверждать, что с вероятностью девяносто восемь процентов Шестая Республика перестала существовать, как единое межзвездное государство. Война привела к массовой гибели квалифицированных специалистов и разрушению важнейших научных, технологических и образовательных центров. В ближайшие десятилетия тех, кто выжил ждет технологический откат на двести-триста лет назад с возможным дальнейшим регрессом.

Хённинг фон Тресков ненавидел нацистов в целом и Гитлера в частности, однако это не мешало ему честно служить в вермахте. В шестнадцать лет Хённинг добровольно пошел в армию и участвовал в боях на фронтах Первой мировой. Закончил войну он уже лейтенантом и кавалером Железного креста.

В тридцать шестом году фон Тресков окончил военную академию и был направлен в Оперативное управление Генерального штаба. За Польскую кампанию он получил Железный крест первого класса, прошел Францию и участвовал в операции «Барбаросса».

Войну на два фронта он категорически не приветствовал, равно как и репрессии, которым в Германии и оккупированных странах подвергались евреи и коммунисты. Начальство фон Трескова ценило, но откровенно опасалось его антинацистских взглядов, так что он совершенно не удивился ни вызову к своему непосредственному начальнику, ни первым словам генерала Герсдорфа:

– Полковник, будьте осторожней в высказываниях. Вы грамотный офицер, но нужно учитывать современные реалии. Расстрелы евреев и комиссаров здесь у многих вызывают протест, но столь открыто выражать свое возмущение рискуют немногие.

– Поймите, герр генерал, – фон Тресков упорно не желал признавать свою ошибку, – Германия окончательно потеряет свою честь, и это будет давать себя знать на протяжении сотен лет. Вину за это возложат не на одного Гитлера, а на вас и на меня, на наших жен и детей¹.

– Не так громко, полковник, – поморщился Герсдорф. – Вы ставите меня в ужасное положение. Я не могу не согласиться с вашими словами, но ваше поведение привлекает совершенно лишнее внимание. Давайте немедленно прекратим этот разговор. Надеюсь, еще не поздно. Я вызвал вас не просто так. С вами хочет встретиться некий полковник Рихтенгден из Абвера.

– И что контрразведке нужно от скромного штабного офицера? – кривовато усмехнулся Тресков, однако в его глазах генерал увидел беспокойство.

– Надеюсь, это никак не связано с вашими несдержанными словами, полковник, – Герсдорф отвел взгляд в сторону. – Официально Рихтенгден заявил, что хочет поговорить с вами о действиях какого-то русского во время боев за Днепр в сентябре прошлого года.

Фон Тресков кивнул, показывая, что услышал ответ. Повод был странным, и вряд ли являлся истинной причиной визита на фронт высокопоставленного офицера Абвера. Полковник это прекрасно понимал, как и его непосредственный начальник.

Полковник Рихтенгден прибыл не один. Кроме него в комнате, куда пригласили Трескова, присутствовал смутно знакомый Хённингу офицер в звании майора. Тресков совершенно точно где-то его уже видел, и почему-то ему казалось, что этот человек никак не может здесь находиться.

– Не узнаете меня, герр оберст? – улыбнулся майор. – А мы ведь виделись с вами в штабе фон Клейста под Кременчугом во время форсирования Днепра. Не припоминаете?

– Эрих фон Шлиман! – Тресков не верил своим глазам. Теперь он вспомнил, откуда ему знакомо это лицо. – Но вы ведь попали в плен! Вас захватили те русские диверсанты, доставившие столько проблем первой танковой группе.

– У вас хорошая память, – кивнул Шлиман, – мы с вами тогда почти не общались, но все, что нужно вы запомнили. Чувствуется хватка настоящего офицера штаба.

– Но как же...

– С вашего позволения, я опущу подробности, герр оберст, – с лица Шлимана исчезла улыбка. – Скажу лишь, что в плену действительно побывал, и то, что я там увидел, мне не понравилось. Однако мы здесь не для обсуждения моих воспоминаний.

– Я понимаю, – кивнул Тресков.

– Мы в курсе ваших взглядов, полковник, – спокойно произнес молчавший до этого момента Рихтенгден. – Вы ведь их особо и не скрываете.

– Значит, все-таки настоящая причина вашего визита именно в этом, – невесело усмехнулся Тресков, – Но почему Абвер? Мне казалось, такими вопросами у нас занимается гестапо.

---

¹ Хеннинг фон Тресков (нем. Henning von Tresckow); 10 января 1901– 21 июля 1944 г. – генерал-майор немецкой армии, один из самых активных участников заговора против Гитлера. Начиная с 1942 года готовил покушение на Гитлера. Тогда же он вышел на контакт с участниками заговора в Берлине. Фон Тресков стал организатором покушения на Гитлера в Смоленске 13 марта 1943 года. Он обманом убедил одного из офицеров, сопровождавших фюрера, пронести бомбу в его самолёт. Тресков обратился к офицеру из свиты Гитлера с просьбой передать в Берлине небольшую посылку полковнику Штиффу из ОКВ. По легенде в посылке находились две бутылки французского ликёра «Куантро». Офицер согласился, и у самого трапа самолета ему передали пакет. Однако взрыватель не сработал, и Гитлер остался жив. В тот раз фон Тресков смог избежать разоблачения, еще раз прибегнув к обману и сделав так, чтобы «посылка» не добралась до адресата. В дальнейшем фон Тресков пытался организовать свой перевод в Ставку Гитлера, чтобы иметь больше возможностей для организации покушения, но успеха в этом не добился. В 1944 году, узнав о провале попытки Штауффенберга взорвать Гитлера, фон Тресков сказал своему адъютанту: «Они скоро узнают про меня и постараются вырвать из меня имена наших товарищей. Чтобы предупредить их, я должен пожертвовать жизнью». Чтобы отвести подозрения от своих товарищей и родственников, он попытался имитировать свою гибель в бою. Выйдя на нейтральную полосу, фон Тресков открыл огонь из пистолета, а потом подорвал себя гранатой. На некоторое время это помогло, но впоследствии расследование выявило его участие в заговоре, и родственники фон Трескова подверглись репрессиям. Приведенные в книге слова фон Трескова о потере чести Германией действительно были им сказаны одному из сослуживцев.

– Ну, в данном вопросе тайной полиции действительно следовало бы действовать тщательнее, – Рихтенгден остро взглянул на Трескова. – В вашем случае они явно недоработали.

– Что вы имеете в виду? – вдоль позвоночника Хённинга пробежал неприятный холодок.

– Прежде всего, ваши контакты с тайными оппозиционными группами, ставящими своей целью отстранение Гитлера от власти, – пожал плечами Шлиман. – Вам ведь должны о многом говорить такие фамилии, как Гёрделер и Штауффенберг.

– Я вас не понимаю...

– Всё вы прекрасно понимаете, полковник, – резко, но без угрозы в голосе оборвал Трескова Рихтенгден. – Я могу назвать еще десяток фамилий. Впрочем, к чему сотрясать воздух? Ознакомьтесь лучше с парой любопытных документов.

По кивку Рихтенгдена майор Шлиман протянул Трескову тонкую папку. Хённинг внимательно прочитал два листа машинописного текста и поднял глаза на офицеров Абвера.

– Я арестован?

– Как вы совершенно верно заметили, полковник, мы не из гестапо, так что об аресте можете забыть, – сухо ответил Рихтенгден, – вот только впредь я бы рекомендовал вам тщательнее следить за своими словами. Сейчас мы зададим вам несколько вопросов о русском стрелке, свидетелем охоты на которого вы были в сентябре, и я буду вам весьма признателен, если для всех, кто станет спрашивать вас о том, что от вас хотели люди из Абвера, вы ограничитесь рассказом именно об этой части нашей беседы. И вот еще что. Через несколько дней вас переведут в Берлин, в штаб формируемой танковой армии, командование которой поручено генералу Роммелю. Мы рекомендовали вас генерал-полковнику Гальдеру, как весьма перспективного штабного офицера, и он надеется, что ваше появление в столице пойдет на пользу общему делу нашей победы над врагами Рейха. Я достаточно ясно изъясняюсь?

– Более чем, герр оберст, – кивнул фон Тресков, ощущая, как его начинает отпускать запредельное нервное напряжение, постепенно сменяясь совсем другими чувствами.

Глава 2

Полностью снять блокаду Ленинграда не удалось. Несмотря на очень бодрое начало операции, войска Волховского фронта смогли добиться лишь частичного успеха. Генерал-полковник Кюхлер, подстегиваемый угрозами расправы из Берлина, смог перегруппировать свои дивизии и заставить их вгрызться в мерзлую землю юго-западнее Мги.

После недели упорных боев вторая ударная армия заняла Любань и продолжила наступление вдоль Московского шоссе. Воспользовавшись тем, что все доступные резервы немцы перебросили против генерала Клыкова, войска Ленинградского фронта прорвали фронт и смогли продвинуться на пять-семь километров навстречу бойцам второй ударной.

Прекрасно понимая, что вот прямо сейчас русские отрежут дивизии его левого фланга и прижмут их к берегу Ладоги, фон Кюхлер приказал своим войскам немедленно отходить из района Шлиссельбурга и Синявино. Именно эти дивизии в итоге и остановили дальнейшее продвижение второй ударной армии, а наступление войск Ленинградского фронта выдохлось само собой – защитникам осажденного города удалось выделить для этой операции слишком мало сил и боеприпасов.

Разгромить группу армий «Север», как это планировала Ставка, не получилось. Тем не менее, в блокаде Ленинграда удалось пробить изрядную брешь. Уход немцев из Шлиссельбурга и Синявино привел к образованию двадцатикилометрового коридора вдоль берега Ладожского озера, соединившего город с «большой землей». На этом силы Волховского фронта окончательно иссякли, и генерал армии Жуков отдал приказ войскам перейти к обороне.

На всем гигантском фронте от Ладоги до Черного моря наступила оперативная пауза. И Красная армия, и вермахт испытывали огромные проблемы буквально во всем. Войска нуждались в отдыхе и пополнении. Промышленность не справлялась с восполнением потерь в технике и со снабжением войск боеприпасами. В итоге в конце января произошло лишь одно значимое событие – немцы полностью прекратили применение химического оружия. На ультиматум они так и не ответили, но я видел, как остатки запасов химических снарядов и бомб грузятся в вагоны и отправляются обратно на территорию Германии.

Сталин отнесся к этой новости с большим удовлетворением. В нем, вообще, в последнее время чувствовалось все больше веры в собственные силы. Хитрый грузин и в истории с ультиматумом показал себя опытным политиком. В свое время я предлагал передать немцам, что в случае их отказа от применения боевой химии мы не будем использовать на Восточном фронте термитные снаряды и боеприпасы объемного взрыва. Однако, как оказалось, товарищ Сталин счел, что с немцев хватит и одного термита, и теперь, я думаю, был этим решением очень доволен. Несмотря на то, что я прибыл сюда из совсем другой эпохи и имел за спиной немало высоких технологий, в политических играх Верховный явно мог дать мне сто очков вперед.

Корпус, как я и предполагал, у меня забрали. Жуков моими действиями остался доволен, и, похоже, уже строил в отношении меня какие-то далекоидущие планы, но у других членов Ставки, судя по всему, имелись собственные соображения насчет дальнейшей судьбы товарища Нагулина, и Георгий Константинович явно оказался в меньшинстве.

Ждать пока в беспокойные головы Сталина, Берии или Шапошникова придут какие-нибудь неожиданные идеи по применению моих способностей, я не хотел. Инициативу следовало сохранять за собой, иначе очень легко сбиться с пути и уйти куда-то в сторону от намеченной цели. Мне стоило очень серьезно подумать над дальнейшими действиями. Положение на фронтах стабилизировалось, и военная катастрофа Советскому Союзу, вроде бы, уже не грозила. Напрашивалось простое и понятное решение, с первого взгляда выглядевшее очевидным.

С новыми возможностями, появившимися у меня вместе с искусственным интеллектом по имени Летра, я мог достаточно быстро снабдить советскую военную промышленность технологиями, которые позволили бы ей начать выпуск вооружений, намного превосходящих по своим тактико-техническим характеристикам все то, чем располагали другие земные государства. Однако сразу вставал вопрос: а стоит ли это делать? Хочу ли я получить в итоге мировую коммунистическую диктатуру во главе с товарищем Сталиным и его верными соратниками по партии? Я знал ответ на этот вопрос. Не хочу. С другой стороны, каждый день войны стоил стране огромных жертв, и беспристрастно взирая на гибель тысяч людей я был не готов – еще не настолько я зачерствел, чтобы считать солдат и мирных граждан расходным материалом.

Какие тогда остаются варианты? В текущих обстоятельствах моя карьера себя почти исчерпала. Да, меня сделали героем, известным всей стране, но сама по себе эта известность мало что мне дает. Ты можешь быть знаменитым героем-полярником, популярным актером, летчиком-истребителем или снайпером, о чьем боевом счете знает каждый ребенок, но ближе к власти ты при этом не станешь. Возможно, когда-нибудь после войны тебя протолкнут в депутаты Верховного совета, и будешь ты надувать щеки в огромном зале заседаний и зачитывать с трибуны заранее согласованные и прилизанные старшими товарищами тексты. И что? Оно мне надо?

Чтобы что-то в этой стране реально изменить, нужно стать частью ее правящей элиты, причем элиты реальной, а не показушной, а в эту закрытую касту чужих брать не принято, что, в общем, вполне понятно.

Любая диктатура всегда строится на безоговорочной преданности вождю. Именно она ценится в первую очередь, а уж потом только смотрят на профессиональные и личные качества, организаторские способности и прочие таланты претендента на высокий государственный пост. Советский Союз, конечно, имеет свои особенности – уж очень сильно он пронизан марксистско-ленинской идеологией, во многом заменившей гражданам СССР недавно утраченную религию, но суть вполне узнаваемого тоталитарного государства от этого особо не изменилась.

Преданность и лояльность! Лояльность и преданность! А в мою лояльность не верит никто, это очевидно. В полезность – да. Но не в лояльность и уж точно не в личную преданность товарищу Сталину.

А так ли мне нужна власть над этой страной? Что я буду с ней делать? Покорять мир силой оружия и за шкуру тащить его к светлому будущему, о котором пока сам имею лишь весьма смутное представление? Хотя, зачем воевать? Мир ведь можно покорить и экономически. Этот путь сложнее и дольше, но время у меня есть. Сталин, несомненно, сильный лидер, однако тоталитарные режимы имеют очень серьезный недостаток – отсутствие внятного способа передачи власти при уходе из жизни правителя. Как правило, начинается дикая грызня за главное кресло, и зачастую наверх выносит таких уродов, что потом вся страна, содрогается в конвульсиях от их решений и действий.

– Летра!

– На связи.

– Можешь сделать прогноз развития СССР на ближайшие десять лет?

– Мне неизвестны твои планы по вмешательству в развитие земной цивилизации, а без этой информации прогноз не имеет смысла.

– Допустим, я не вмешиваюсь вообще.

– Принято. Потребуется несколько минут. Я должна скорректировать базовую модель с учетом изменений, возникших в результате твоего появления на Земле. В принципе, ничего такого, что могло бы сделать алгоритм оценки неприменимым, ты не совершил, так что можно рассчитывать на стандартную точность прогноза.

– Жду.

– В каком виде ты хочешь получить результат?

– Краткий голосовой отчет. Только ключевые точки и главные ответвления без углубления в маловероятные ветви.

Терминологии я нахватался у настоящей Летры. После знакомства с ней я с удивлением обнаружил в себе интерес к историческому моделированию, и мы часто обсуждали варианты развития разных человеческих цивилизаций, пытаюсь найти пути, которые могли отсрочить их гибель.

– Выполнено. Могу начинать?

– Слушаю.

– Первая ключевая точка – конец сорок второго года. Доминирующая ветвь – смерть Адольфа Гитлера в результате покушения. Последствия – попытка нового правительства Германии заключить мир с Англией. Ожидаемый результат – успех. При этом война Германии против СССР будет продолжена. Фоновые события – перелом в пользу США и Англии в войне с Японией. Взрывной рост военной промышленности Соединенных Штатов. Смерть президента США Франклина Рузвельта в результате покушения. Вторая ключевая точка – сорок третий год. Доминирующая ветвь – полное освобождение Красной армией территории Советского Союза и начало ее похода в Европу. Последствия – Вступление в войну Англии и США на стороне Германии. Ожидаемый результат – военное поражение СССР в сорок четвертом году. Третья ключевая точка...

– Достаточно. Дальше все и так ясно. Альтернативные сценарии есть?

– Естественно. Смерть Гитлера практически неизбежна, а вот смерти Рузвельта и вступления США в войну против СССР может и не быть, но вероятность невысокая и все равно война в Европе продолжится в очень тяжелых для Советского союза условиях. Правда, в этом случае возможно заключение мира без серьезных территориальных потерь для СССР.

– Япония проиграет в любом случае?

– Без вариантов. Варьироваться могут только сроки, да и то в незначительных пределах. В любом случае у США и Англии хватит сил для совместных боевых действий с Германией против Советского Союза.

– А варианты с победой СССР?

– Такой вариант был до твоего вмешательства в ход истории. СССР мог стать союзником Великобритании и США в войне с Германией и примкнувшими к ней странами. Ценой потери четверти населения Советский Союз имел шанс в этой войне победить. С некоторой вероятностью сразу после поражения Германии и Японии началась бы новая война за раздел Европы между бывшими союзниками, но, скорее всего, все же наступил бы напряженный и неустойчивый мир.

– Надолго?

– На десять-пятнадцать лет, а дальше идут почти равновероятные развилки, и первая же из них содержит вариант с ядерной войной, но шанс выбрать правильный путь у местной цивилизации все равно был достаточно высоким, по крайней мере, в этой ключевой точке.

– То есть я своим появлением сделал только хуже?

– Хуже для кого? Для СССР – несомненно. Если ты прямо сейчас выйдешь из игры, Советский Союз ждет поражение в войне с объединившимся против него Западным миром, но при этом для земной цивилизации в целом существенно снизится шанс начала Третьей мировой войны в течение ближайших тридцати-сорока лет. В мире просто не останется силы, способной противостоять США.

– Но я ведь не собираюсь выходить из игры, Летра.

– Я знаю. Ты же сам озвучил такое условие для построения прогноза, вот я его и отрабатываю.

– Как избежать войны СССР против всего мира?

– У меня нет алгоритма разработки стратегии воздействия на изучаемые цивилизации. Тебе ведь не хуже меня известно о запрете на вмешательство. Такие программы никогда не создавались, так что здесь я тебе не советчик.

– Но хотя бы возможные последствия планируемых мной действий ты оценить сможешь?

– Только очень приблизительно. Ту Летру, чье имя я сейчас ношу, такая точность прогноза никогда бы не устроила.

– Хорошо. Тогда давай играть по твоим правилам. Прими следующую установку: все покушения на Рузвельта предотвращены. Какова вероятность вступления США в войну против СССР?

– Шестьдесят процентов. Президент в этой стране не всесилен, а антикоммунистические силы там имеют весьма значительный вес. Средства массовой информации вполне способны настроить общественное мнение нужным образом, и у Рузвельта может просто не остаться выбора.

– Значит, нужно что-то, что сделает невозможным начало войны Соединенных Штатов против Советского Союза. Что это может быть?

– Не забывай, я не человек. Принимать креативные решения я могу только тогда, когда у меня есть для этого четкий алгоритм. В данном случае такого алгоритма нет. Могу только перечислить прецеденты из известной мне истории. Вступлению в войну может помешать имеющийся договор о ненападении, хотя такие пакты часто нарушаются. Препятствием может стать военная или экономическая неготовность США к войне, но, по моим расчетам, ни с тем, ни с другим у них через год-полтора проблем не будет. Есть еще такой вариант, как устоявшееся мнение населения страны о другом государстве, как о надежном союзнике, благодаря помощи которого недавно одержана победа в тяжелой войне. США – демократическая страна, и совсем не учитывать мнение граждан власть не может. Манипулировать – да, но просто наплевать – нет. А гражданам нападение на верного союзника, скорее всего, не понравится. Однако в нашем случае это неприменимо – США не воюют с Германией и союзником СССР не являются. Еще остановить нападение может очевидное военно-техническое превосходство Советского союза, но уровень его промышленного развития не позволит...

– Стоп. Дай мне подумать.

Искусственный интеллект послушно умолк, а я погрузился в размышления, пытаюсь поймать ускользающую мысль. Что-то в словах Летры промелькнуло такое, за что мой мозг попробовал зацепиться, но идея сорвалась с крючка, не успев сформироваться.

– Еще раз медленно повтори ответ на мой последний вопрос.

– Не... забывай... я... не... человек. Принимать... креативные...

Я молча слушал всю эту муть про пакты о ненападении и силился вспомнить, что же заставило меня остановить Летру, и в какой-то момент недостающий элемент с почти ощутимым щелчком занял свое место в зыбкой конструкции формирующейся идеи.

– Достаточно. А теперь мне нужен от тебя подробный и убедительный доклад, который позволит убедить руководителей СССР в том, что война с Западом неизбежна. Аргументы используй только те, которые опираются на официально доступные мне данные. Я пойду с этим к Сталину и не хочу, чтобы мне задавали вопросы, откуда я с точностью до нескольких штук знаю, сколько танков М3 способен в следующем месяце выпустить завод фирмы «Крайслер» в городке Уоррен под Детройтом.

Маршал Шапошников редко бывал на Лубянке, но в этот раз он никак не мог избежать визита к наркому внутренних дел. Полученный поздно вечером документ буквально жег ему руки. Борис Михайлович заслуженно считался квалифицированным военным аналитиком и

опытным офицером генштаба, но зажатая в его руке папка содержала материалы, далеко выходящие за рамки чисто военной области, и решения, которые следовало принять на их основе, были способны изменить судьбу Советского Союза самым непредсказуемым образом.

Сразу передать эти документы Сталину Шапошников не решился – слишком многое в них требовало проверки, провести которую силами одного лишь генштаба маршал не мог. Ночь, проведенная над чтением содержавшихся в папке аналитических материалов, лишила маршала покоя. Ход войны, представлявшийся начальнику генштаба, да и не только ему одному, весьма успешным неожиданно предстал в совершенно ином свете, рисуя тяжелые и мрачные перспективы. Много часов Шапошников пытался найти ошибку в нечеловечески безупречных логических построениях, приведенных в докладе, и не находил.

– Здравствуйте, Борис Михайлович, – Берия поднялся навстречу вошедшему в его кабинет маршалу с легкой улыбкой, – Давненько вы ко мне не заглядывали. Все больше на заседаниях Ставки видимся или в Кремле у товарища Сталина. Что столь необычное и срочное заставило вас приехать на Лубянку?

– День добрый, Лаврентий Павлович, – в отличие от наркома внутренних дел Шапошников сохранил на лице серьезное выражение. – Вы правы, случилось. И срочное, и необычное, и, я думаю, совершенно секретное.

– Дайте-ка я угадаю, – Берия тоже перестал улыбаться, – Ваш беспокойный подчиненный преподнес нам всем новый сюрприз? Что на этот раз? Хельсинки? Севастополь? Плоешти? Берлин?

– Вам лучше ознакомиться с этим самому, – Шапошников аккуратно положил папку на стол наркома. – Вряд ли я смогу рассказать лучше и убедительнее, чем здесь написано.

Берия молча кивнул, поправил пенсне и неторопливо открыл папку. Маршал терпеливо ждал, еще раз прокручивая в голове все то, что уже многократно обдумывал в течение ночи. Может быть, его собственных знаний оказалось недостаточно, ведь он лишь военный, и просто не смог найти логические нестыковки в вопросах экономики, политики и международных отношений? Сейчас Берия саркастически усмехнется, покачает головой и с легкостью разобьет все эти аргументы, казавшиеся ему столь безупречными.

Не усмехнулся.

Дочитав доклад, нарком внутренних дел поднял взгляд и с минуту пристально смотрел на начальника генштаба, а потом вновь взял первый лист и начал читать документ с самого начала, делая на полях какие-то пометки.

Заглянувший в кабинет секретарь неслышно приблизился к столу и поставил перед хозяином кабинета и его гостем стаканы с чаем и вазочку с печеньем. Берия, казалось даже не заметил его появления, а Шапошников кивнул и пододвинул к себе стакан.

– Здесь все слишком серьезно, чтобы давать ход этому документу без всесторонней проверки, – наконец произнес Берия, откидываясь на спинку кресла. – Я знаю, что товарищ Нагулин крайне редко ошибается в своих выводах, но это ведь не анализ обстановки на фронтах и не прогноз действий противника. Здесь затронут более широкий круг вопросов. В логике генерал-майору, безусловно, не откажешь, но, боюсь, даже нашего с вами опыта не хватит для того, чтобы судить о конструктивности высказанных им предложений.

– Соединенные штаты, президент Рузвельт... – это, наверное, последнее из того, что я посчитал бы важным для нас в текущей ситуации, – с сомнением покачал головой Шапошников.

– Речь здесь не о настоящем моменте, – Берия постучал указательным пальцем по стопке листов на своем столе, – У нас есть почти год на принятие решения и подготовку, а вот потом действительно может стать поздно.

– Но как же пакт о нейтралитете? Мы ведь не хотим, чтобы весь мир считал Советский Союз столь же вероломной державой, как гитлеровскую Германию, без объявления войны напавшую на СССР, несмотря на действующий между нашими странами пакт о ненападении.

– А вот тут я с товарищем Нагулиным, пожалуй, соглашусь, – на лице Берии появилась едва заметная усмешка. – Вы хорошо помните второй пункт нашего соглашения с Японией?

– Дословно не воспроизведу.

– Он звучит так: «в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Если читать этот пункт буквально, то получается, что мы обязуемся не нападать друг на друга в случае военной агрессии со стороны третьих стран, направленной на одно из наших государств. Но ведь ни США, ни Великобритания на Японию не нападали. Япония САМА осуществила военную агрессию, и это полностью развязывает нам руки. Возможно, и даже наверняка, Японцы не согласятся с такой трактовкой, но кого в сложившемся раскладе сил будет волновать их мнение?

– Скажу честно, весь мой опыт противится идее войны на два фронта. Я читаю доводы Нагулина и понимаю, что, вероятно, другого выхода просто нет, но стоит мне отвести взгляд от этих строк, и сомнения возвращаются. Как СССР сможет такое выдержать?

– Боюсь, Борис Михайлович, вдвоем мы с вами ничего не решим и ответ на ваш вопрос не найдем. Я предлагаю пригласить к обсуждению этого документа товарищей Молотова, Устинова и Зверева. Без оценки приведенных здесь аргументов наркомаами иностранных дел, вооружения и финансов мы точно не обойдемся.

– Расширяя круг лиц, знающих о докладе Нагулина, мы делаем неизбежным вынесение этого вопроса на самый верх, – чуть помедлив, произнес маршал.

– А у вас были какие-то сомнения в том, что этот документ попадет на стол товарища Сталина? – Берия, казалось, был искренне удивлен. – Такую информацию в любом случае нельзя не показать Верховному, даже если мы придем к выводу, что все это чушь, и что нам глубоко безразлична судьба президента Рузвельта и исход войны США с Японией.

– Вот вы, товарищ Нагулин, говорите, что гражданин Королев не виновен в саботаже разработки ракеты проекта двести двенадцать, – Сталин внимательно посмотрел на меня из-под густых бровей. – А ведь во время боевых испытаний этого изделия при прорыве фронта на реке Волхов ни одна из шести его ракет точно в цель не попала. Ущерб немецким колоннам был нанесен, но это скорее заслуга объемно-детонирующей боевой части, к разработке которой Королев отношения не имел.

– Товарищ Сталин, цели выбирал я, а не Королев. И цели эти были крайне неудобными для крылатых ракет. По большому счету их вообще нельзя было использовать против движущихся вражеских войск, но у меня просто не было других вариантов. Немцев требовалось отвлечь хотя бы на минуту, чтобы бомбардировщики полковника Кудрявцева могли без помех атаковать колонны. И даже в таких невыгодных условиях поставленная перед ракетчиками задача была выполнена. Я считаю, что «изделие К-212» показало себя с наилучшей стороны.

– Не все с вами согласны, товарищ Нагулин, но я не буду сейчас об этом спорить. Проект разработки крылатых ракет мы продолжим, однако статус конструктора Королева пока останется неизменным. Пусть он докажет делом, что его ракеты стоят потраченных на них ресурсов, и тогда мы вернемся к этому разговору, тем более что такой шанс и ему и вам скоро представится, – усмехнулся Сталин.

Я не стал задавать уточняющих вопросов. Это была моя первая встреча со Сталиным в формате один на один, и торопить Верховного главнокомандующего я не считал возможным, предпочитая терпеливо ждать, когда он сам разовьет свою мысль.

Сталин, не торопясь, протянул руку и пододвинул к себе толстую папку, лежавшую до этого на краю стола. Похоже, Вождь собирался перейти к обсуждению главного вопроса, ради которого я был вызван в его кремлевский кабинет.

– Я внимательно ознакомился с вашим докладом, товарищ Нагулин, и с комментариями других товарищей, которые по долгу службы тоже были введены в курс этого дела. Поверьте мне, специалисты привлекались самой высокой квалификации, но их выводы оказались весьма неоднозначными. Вы основываете свой прогноз на том, что на Гитлера и Рузвельта в ближайшее время будут организованы покушения, имеющие все шансы на успех. Это очень смелое утверждение, товарищ Нагулин. Гитлера уже не раз пытались убить, но ничего из этого не выходило, да и охрана американского президента не зря ест свой хлеб. Это самое слабое место в ваших аналитических построениях. Все последующие события, о которых вы пишете, действительно обоснованы очень хорошо, с чем согласны почти все товарищи, ознакомившиеся с вашим докладом. Однако то, что вы предлагаете требует серьезнейших изменений во внешней политике СССР и в стратегии ведения войны с Германией. Не вам первому пришли в голову опасения по поводу возможного противодействия Англии и США нашему походу в Европу, который, как показывает ход войны, становится практически неизбежным. Тем не менее, нужно отдать вам должное, поскольку именно вы впервые смогли собрать вместе все факты и, подкрепив их расчетами и аналитическими выкладками, аргументированно показать, сколь велика вероятность прямого военного конфликта со странами Запада. Есть мнение, что ваша идея «ленивой войны» достойна внимательнейшего рассмотрения. В сочетании со стратегией сближения с США она действительно может усыпить бдительность наших оппонентов и выбить из их рук очень серьезные аргументы в пользу вступления в войну на стороне Германии.

Сталин сделал небольшую паузу, перелистнув несколько документов в папке.

– Все товарищи, читавшие ваш доклад, сходятся в том, что он подготовлен на очень высоком уровне, но для принятия столь важного решения одного этого недостаточно. Если поступат о близкой смерти Гитлера окажется ошибочным, следование вашему плану приведет СССР к катастрофе или, как минимум, повлечет огромные и совершенно неоправданные потери в людях и материальных ресурсах.

Верховный главнокомандующий вновь замолчал, и теперь его взгляд явно требовал от меня какой-то реакции.

– Нигде в моем докладе не сказано, что решение требуется принимать прямо сейчас, – я постарался ответить как можно нейтральнее. – Скорее, наоборот. Спешка в данном случае исключительно вредна. С момента прорыва блокады Ленинграда прошло полтора месяца, а наша армия все еще не готова к стратегическим наступательным операциям, и вряд ли будет готова к ним раньше, чем к середине весны. Соответственно, выход наших войск к госгранице СССР на всем ее протяжении даже при самом лучшем раскладе состоится не раньше конца текущего или даже середины следующего года, а до этого момента ни Англия, ни США не будут видеть серьезного повода для беспокойства, особенно если мы осуществим предусмотренные в моем докладе мероприятия, призванные создать у западных держав впечатление, что Советский Союз освобождает свою территорию из последних сил и не в состоянии совершить быстрый бросок на запад.

– Я помню это ваше предложение, – кивнул Сталин, задумчиво взглянув на карту, – Смоленск, Киев, Минск, Прибалтика, Одесса... У нас еще много работы, товарищ Нагулин, тут вы правы. Если справимся с ней до конца года, это действительно будет большим успехом. Хорошо. Считайте, что Ставка вашу точку зрения услышала и отнеслась к ней более чем

серьезно, но решение по вашему докладу мы примем несколько позже, когда ситуация станет более определенной. А сейчас у меня есть для вас более конкретное дело, не терпящее отлагательства.

Вождь остро взглянул мне в глаза, и я не стал его разочаровывать.

– Я готов, товарищ Сталин, приказывайте.

– В операции по прорыву блокады Ленинграда вы, товарищ Нагулин, показали себя грамотным командиром, способным организовать прорыв обороны противника и обеспечить беспрепятственный ввод в него ударной армии. Конечно, Волховский и Ленинградский фронты достигли не всего, что было запланировано, но это все равно очень большая победа. Ваш успех было отмечен Ставкой, и теперь настало время его повторить в иных условиях и в несколько больших масштабах. Вы правы, к по-настоящему крупному наступлению мы не готовы, но у нас есть еще один осажденный врагом город. Важный город, который нельзя отдавать немцам ни при каких обстоятельствах. Ставка дает вам три дня на завершение текущих дел в Москве. Мы знаем, что вы курируете работу по созданию нового турбореактивного двигателя для нашей авиации, и эта работа ни в коем случае не должна остановиться с вашим отъездом. Но только три дня! А потом вы вылетаете на Крымский фронт в качестве представителя Ставки². Севастополь необходимо деблокировать, а генерал-лейтенант Козлов так и не смог развить первоначальный успех Керченско-Феодосийского десанта. Манштейн переигрывает его по всем направлениям, и эту ситуацию надо в корне менять. При необходимости вы можете отстранить Козлова от командования фронтом – соответствующие полномочия у вас будут, а вот делать это или нет, вы будете решать уже на месте.

---

² В реальной истории представителем Ставки на Крымский фронт был назначен Лев Захарович Мехлис, который, фактически, не являлся военным, но неформально подчинил себе командование фронта. Генерал Козлов не смог или не захотел сопротивляться натиску представителя Ставки и, по сути, самоустранился от выполнения своих обязанностей. Л. З. Мехлис тратил силы фронта в неподготовленных и безграмотно организованных лобовых наступлениях. Результатом стало истощение сил фронта и тяжелое поражение в ходе немецкого контрнаступления, завершившегося оставлением Красной армией Керченского полуострова и, как следствие, падением Севастополя.

Глава 3

Эрих фон Манштейн прекрасно понимал, что вместе со своей одиннадцатой армией оказался на периферии водоворота событий, за считанные месяцы изменивших весь ход боевых действий на Восточном фронте. Войну против Советского Союза он начал в составе группы армий «Север», командуя пятьдесят шестым моторизованным корпусом, вторгшимся в Прибалтику. За первую неделю боев его корпус преодолел больше двухсот километров, и вышел к Западной Двине, где успешно отразил танковый контрудар советских войск.

Казалось, война развивалась по вполне благоприятному сценарию, и у Манштейна даже мелькнула мысль, что Гитлер прав, и еще до зимы Красная армия будет полностью разгромлена, однако уже в начале июля его корпус потерпел серьезное поражение, попав в районе Сольцов под удар армии генерал-лейтенанта Морозова. При поддержке двух с лишним сотен самолетов советские войска двумя группами с севера и юга охватили восьмую танковую дивизию вермахта, и ей какое-то время пришлось сражаться в окружении. Под угрозой перехвата коммуникаций оказалась и третья танковая дивизия.

В тот раз Манштейну удалось избежать разгрома. Для восстановления положения ему была передана дивизия СС «Мертвая голова», и ценой больших потерь восьмую танковую дивизию удалось деблокировать, после чего ее пришлось отправить в тыл на переформирование. Немецкие войска оказались отброшенными на сорок километров назад, и наступление группы армий «Север» на Ленинград затормозилось почти на месяц. Именно тогда, под Сольцами, Манштейн впервые всерьез задумался о том, что с этой войной всё может оказаться совсем не так просто, как хотелось бы многим немецким генералам и политикам.

Потом были бои под Демянском, и, наконец, в сентябре сорок первого Манштейн получил под командование одиннадцатую армию, захватившую к началу ноября почти весь Крым и взявшую в осаду Севастополь.

Занимаясь проблемами своей армии, Манштейн, тем не менее, внимательно следил за положением дел на других фронтах. Тревожные звоночки начали звучать еще в сентябре, но тогда за ревом победных фанфар их было почти не слышно.

Русские потерпели грандиозное поражение под Киевом. Следующими стали Брянск и Вязьма, а вот дальше в неуклонно движущейся на восток машине вермахта что-то разладилось, причем до такой степени, что это начало непосредственно сказываться на одиннадцатой армии, не имевшей, казалось бы, прямого отношения к сражению за Москву.

Сначала не удалась ноябрьская попытка захватить Севастополь. Манштейн недооценил мощь береговых батарей, прикрывавших город, а когда к полутора сотням тяжелых орудий севастопольских фортов добавились залпы главного калибра двух крейсеров и линкора «Парижская Коммуна», подошедших на помощь осажденному городу, он отдал приказ прекратить штурм ввиду его явной бесперспективности.

Манштейн заслуженно считался одним из лучших стратегов вермахта. Именно он в сороковом предложил план вторжения во Францию танковым ударом через Арденнские горы. Перейдя Арденны, танки должны были форсировать Маас и, не дожидаясь пехоты, по широкой дуге выйти к побережью Ла-Манша, отрезав северную группировку противника. Немецкое военное командование посчитало план Манштейна слишком рискованным, но его неожиданно поддержал Гитлер, которому категорически не нравилось, что генералы предлагают ему, фактически, повторить план Альфреда фон Шлиффена, реализованный немцами в начале Первой мировой войны. Гитлер, совершенно справедливо считал, что французы и англичане именно этого и ждут, и никакой внезапности вермахту достичь не удастся. Предложение Манштейна пришлось очень кстати, и фюрер настоял на принятии именно его плана, что в итоге и привело вермахт к столь впечатляющей победе.

Однако талант стратега был не единственным преимуществом Манштейна. Еще он являлся непревзойденным специалистом по выколачиванию из командования резервов. Никто другой не умел столь убедительно и аргументированно объяснять вышестоящим начальникам, что именно ему и именно сейчас больше всех нужны танки, самолеты, пехота и артиллерия, и что если ему их не дадут, то, в зависимости от конкретных обстоятельств, либо случится вселенская катастрофа, либо вермахт упустит грандиозную победу, которая у него, Эриха фон Манштейна, практически уже в руках.

И вот теперь этот проверенный и отработанный механизм начал давать сбои. Командующий группой армий «Юг» Герд фон Рунштедт категорически отказывал Манштейну в усилении одиннадцатой армии танками и авиацией, ссылаясь на то, что грандиозная битва за Москву высасывает все резервы, и у него и так уже отобрали слишком много дивизий. Единственное, в чем Манштейну не отказали, так это в артиллерии. В распоряжение одиннадцатой армии поступили две сотни батарей тяжелых орудий. По большей части это были обычные полевые гаубицы крупных калибров, включая и 210-миллиметровые, однако из Германии прибыли и более тяжелые артсистемы, сохранившиеся со времен Первой мировой войны. Настоящим чудо-оружием на их фоне воспринимались самоходные мортиры «Карл» с их калибром шестьсот миллиметров и уникальное 800-миллиметровое железнодорожное орудие «Дора» с ее семитонными снарядами, стволом длиной тридцать два метра и расчетом из двухсот пятидесяти человек.

И все равно штурм не удался. В самый ответственный момент русские высадили в тылу одиннадцатой армии морской десант, нагло ворвавшись в порт Феодосии и выгрузив войска с боевых кораблей прямо на пирсы. Сорок шестая пехотная дивизия и румынский полк горных стрелков пытались остановить продвижение десанта, но были отрезаны на Керченском полуострове и практически полностью уничтожены.

Штурм Севастополя пришлось прекратить, чтобы в спешном порядке перебросить пехоту и артиллерию под Феодосию. Сделать это по обледеневшим дорогам оказалось крайне непросто, но и силы русских не были беспредельными, и к середине января ситуацию удалось стабилизировать. Красная армия продолжала удерживать Феодосию, но продвинуться дальше на запад не смогла.

Когда в начале декабря пришло потрясшее всех известие о том, что группа армий «Центр» под Москвой попала в окружение, Манштейн понял, что резервов он больше не дождет. Тем не менее, приказ взять штурмом Севастополь оставался в силе, и в стремительно ухудшавшейся ситуации ему предстояло выкручиваться имеющимися средствами.

Манштейн понимал, что пока в его тылу находится сильная группировка советских войск, возобновлять штурм города бессмысленно. Он оставил под Севастополем заслон и сосредоточил основные силы против русских армий, засевших на Керченском полуострове и постоянно пытавшихся прорваться оттуда вглубь Крыма.

Приказ Фюрера о начале применения против Красной армии химического оружия Манштейна не порадовал. Как военный стратег, он понимал мотивы Гитлера – сидящую в Московском котле группу армий «Центр» следовало спасать любыми средствами. Тем не менее, он не ждал долгосрочного эффекта от использования боевой химии. Гражданскому населению русских городов действительно могло стать очень несладко, но в том, что в условиях фронта химические боеприпасы окажутся эффективнее обычных снарядов и бомб, Манштейн сильно сомневался.

Под Москвой уже рекой лился иприт и над русскими позициями клубились облака фосгена и хлорциана, а в Крыму обе стороны не торопились забрасывать друг друга химическими снарядами. Манштейн успел хлебнуть этой дряни еще в Первую мировую, и не стремился повторить тот не слишком приятный опыт, а советские войска, не подвергшиеся химическим ударам, тоже не стали первыми применять отравляющие вещества.

Запасы снарядов и бомб с разноцветными кольцами на корпусах впустую копились на фронтовых складах, да так и уехали обратно в Рейх, когда в конце января Фюрер вдруг изменил свое решение и приказал прекратить применение химического оружия.

Зима в Крыму выдалась неожиданно холодной. Конечно, ни в какое сравнение с тем, что творилось под Москвой и Ленинградом здешние морозы не шли, но дороги сначала обледенели, а потом раскисли, что сильно затрудняло переброску войск. И все же теперь, в середине марта, Манштейн чувствовал, что дальше тянуть нельзя. Проблему Феодосии и Керчи следовало решать немедленно. Битва под Москвой завершилась тяжелым поражением, но фронт удалось стабилизировать, и Фюрер, наконец, вспомнил о том, что существуют и другие театры боевых действий. После долгих споров Манштейну все-таки удалось убедить командование выделить для удара по Керченскому полуострову танковую дивизию, вооруженную боевыми машинами с новыми длинноствольными пушками, способными с приемлемой дистанции пробивать броню русских Т-34 и КВ. Кроме того, с воздуха его наступление должен был поддерживать четвертый воздушный флот генерал-полковника Рихтгофена. Манштейн понимал, что это максимум того, что он мог получить, и лучший стратег Гитлера больше не сомневался – пора начинать.

Одного меня Сталин в Крым не отпустил. Ну, да кто бы сомневался. В качестве недреманного ока Вождя со мной отправился армейский комиссар первого ранга Лев Захарович Мехлис, причем, что интересно, тоже в качестве представителя Ставки. Учитывая, что звание моего «коллеги» соответствовало воинскому званию генерала армии, у меня возникали большие подозрения, что мои решения будут сплошь и рядом оспариваться этим весьма деятельным и безоговорочно преданным Сталину товарищем, весьма слабо разбиравшимся в военных вопросах.

Мехлис с самого начала смотрел на меня с почти нескрываемым подозрением, и от едких замечаний удерживался, похоже, только ввиду прямого приказа Верховного главнокомандующего. Но это пока мы находились в Москве. Чем дальше наш самолет удалялся от столицы, тем отчетливее в бросаемых на меня взглядах армейского комиссара проступала смесь пренебрежения и недоверия. Я всю эту игру в гляделки полностью игнорировал и вел себя подчеркнуто нейтрально.

– Вы ведь не член Партии, генерал-майор? – наконец, не выдержал Мехлис.

– Да, это так, – ответил я, как можно безразличнее.

– Это ваша принципиальная позиция?

– Я бы так не сказал. Скорее, есть объективные обстоятельства, препятствующие...

– Это все отговорки, – Мехлис рубанул рукой воздух, подкрепляя категоричный тон своих слов, – Я читал вашу характеристику. Вы прикрываетесь религиозными убеждениями, хотя сами прекрасно знаете, что это полная чушь.

– Лев Захарович, к сожалению, в данном вопросе наши с вами точки зрения не совпадают.

– Будьте добры обращаться ко мне по уставу, генерал-майор. Вы младше меня по званию на три ступени, и мне странно, что я должен учить вас субординации.

– Виноват, товарищ армейский комиссар первого ранга. Больше не повторится.

Я ответил спокойно и даже равнодушно, и это, похоже, взбесило импульсивного комиссара больше всего.

– Товарищ Сталин оказал вам высокое доверие, генерал-майор, – в голосе Мехлиса послышалась угроза, – но это не значит, что теперь все вокруг мгновенно потеряют бдительность.

– Так точно, товарищ армейский комиссар первого ранга, – ответил я все с тем же равнодушием, – потеря бдительности – прямой путь к большим проблемам. Терять её нельзя ни при каких обстоятельствах. Прошу меня извинить, последние трое суток выдались очень напряженными, а сразу по прибытии на место у нас с вами будет много срочной работы. С вашего разрешения я немного посплю.

Я устроился в кресле поудобнее и, напрочь игнорируя перекошенное гневом лицо Мехлиса, закрыл глаза. Самое смешное заключалось в том, что понять, кто из нас кому должен подчиняться, ни я, ни комиссар так и не смогли. Товарищ Сталин всегда был крайне хитрым жуком, и виртуозно умел закладывать под отношения между подчиненными бомбы потенциальных конфликтов. Он что, плохо знал характер Мехлиса? Да в жизни не поверю! Скорее, наоборот. Сталин отлично понимал, во что выльется наша совместная командировка на Крымский фронт, и, видимо, искренне считал, что для дела так будет только лучше.

Мехлис действительно изрядно превосходил меня по званию, но полномочия по принятию кадровых решений в отношении руководства Крымского фронта получил именно я, а не комиссар. В мои военно-стратегические решения Сталин тоже недвусмысленно рекомендовал Мехлису не вмешиваться, оставив за ним дисциплинарные вопросы, морально-политическую подготовку операции и некий общий контроль за ее ходом, суть которого я до конца уяснить не смог, а сам Вождь конкретизировать свою мысль не стал.

В общем, банка с пауками получилась весьма качественная, и помимо чисто военных вопросов мне в ближайшее время со всей очевидностью предстояло решать множество проблем, связанных с маниакальной подозрительностью и непревзойденной мнительностью товарища армейского комиссара. Впрочем, плевать! Грядущие неприятности следовало встречать по мере их поступления. Я активировал режим дополненной реальности и развернул перед глазами виртуальную карту Крымского полуострова.

Картина, скажем прямо, вырисовывалась противоречивая. Сил у Красной армии и Черноморского флота, на первый взгляд, в Крыму было немало. На Керченском полуострове сосредоточились сорок четвертая, сорок седьмая и пятьдесят первая армии, имевшие в своем составе почти двести пятьдесят тысяч человек пехоты, шесть танковых бригад и два отдельных танковых батальона. Гарнизон Севастопольского оборонительного района насчитывал около ста двадцати тысяч бойцов и командиров, имел в распоряжении многочисленную артиллерию, включая береговые батареи крупных калибров, сорок семь танков и более сотни самолетов, базировавшихся на аэродроме, построенном в начале войны на мысе Херсонес. Черноморский флот располагал линкором «Парижская Коммуна», крейсерами «Красный Крым» и «Красный Кавказ», тремя дивизионами эсминцев, двумя легкими крейсерами, довольно внушительными подводными силами и значительным числом тральщиков, минных заградителей, небольших артиллерийских кораблей и катеров.

Казалось бы, силы внушительные, однако имелось несколько серьезных «но». Во-первых, конечно, авиация. Эта беда к началу сорок второго года только усугубилась. Потери начального периода войны сказались и на численном составе ВВС Красной армии, и, что не менее важно, на качестве подготовки пилотов. Слишком много опытных летчиков погибло в первые полгода войны, и быстро подготовить им смену оказалось совсем непросто. По тактико-техническим характеристикам немцы тоже пока превосходили почти все советские самолеты, и с этим нужно было что-то делать. Я и делал, но на внедрение новых технологий нужно время, а на войне, как правило, этот ресурс всегда в жесточайшем дефиците. Второй проблемой уже традиционно являлись снаряды. Артиллерии у защитников Севастополя имелось немало, причем артиллерии очень неплохой, но боезапас к этому зоопарку разнообразных артсистем был весьма скуден. В армиях Крымского фронта со снарядами было получше, но сказочного изобилия здесь тоже не наблюдалось, а вот у немцев и с артиллерией, и со снарядами все обстояло очень неплохо.

Еще меня сильно напрягали новые немецкие танки. Манштейн умудрился вытрясти из командования вермахта двадцать вторую танковую дивизию, укомплектованную этими неприятными машинами. Сами танки были все теми же «тройками» и «четверками», но вот их пушки стали теперь длинноствольными и при стрельбе подкалиберными снарядами сравнительно легко пробивали броню Т-34 и КВ. Наши танкисты об этом пока не знали, но Летра сразу обратила мое внимание на новое опасное оружие противника.

Судя по картинке со спутников, Крымский фронт готовился к очередному наступлению, хотя по-хорошему ему следовало закапываться в землю, выстраивать эшелонированную оборону, прикрывать инженерные заграждения эффективной системой огня и минными полями, выделять подвижные резервы для оперативного реагирования на угрозы прорывов и всячески готовиться к отражению мощного удара противника.

Манштейн готовился с размахом и, похоже, всерьез собирался выбить советские армии с Керченского полуострова. Немцы успели перебросить из-под Севастополя значительную часть артиллерии, включая тяжелые гаубицы, и методично занимали позиции, намереваясь мощным ударом артиллерии и авиации смести подтягивающиеся к передовой советские войска. Задержись товарищ Сталин с моей отправкой на Крымский фронт хотя бы на неделю, и что-либо исправлять, скорее всего, было бы уже поздно. Да и сейчас, надо сказать, времени почти не осталось.

За истекшие полтора месяца Королев смог существенно продвинуться вперед, но, к сожалению, о серийном выпуске крылатых ракет речь пока идти не могла. Все-таки это было технологически сложное изделие, особенно с учетом доработок, сделанных по моим чертежам. Советская промышленность к масштабному выпуску такого оружия была еще не готова. Слишком высокая точность требовалась при изготовлении многих деталей, а это означало необходимость иметь соответствующий станочный парк и квалифицированных специалистов, обладающих высокой трудовой и технологической дисциплиной. И то, и другое в Советском Союзе имелось, но, к сожалению, в крайне ограниченном количестве. Тем не менее, четырнадцать ракет подготовить удалось, причем половина из них получила новую систему управления. Теперь их полет можно было корректировать по радио с земли или с самолета в пределах прямой видимости. Надежность у этого чуда техники была отвратительной, но, если звезды складывались как надо, ракета отклонялась от цели не больше чем на двадцать метров.

Артиллерия Цайтиуни с его 203-миллиметровыми гаубицами Б-4 никто, естественно, не стал перебрасывать из-под Ленинграда в Крым, так что я остался без подчиненной мне тяжелой артиллерии, зато пополненный и дополнительно усиленный авиаполк Кудрявцева прибыл под Новороссийск даже чуть раньше нас с Мехлисом, и бомбами объемного взрыва его в этот раз укомплектовали с хорошим запасом. А вот ракетчики Королева ожидалось только через неделю. Быстрее спецпоезд с их изделиями прибыть, к сожалению, не мог.

Лена вылетела в Крым вместе со мной. Товарищ Берия не возражал. Лейтенант госбезопасности Серова проявила немалые организаторские способности в операции по отражению «химического» налета на Ленинград, и на Крымском фронте я собирался поставить перед ней примерно те же задачи. Правда, теперь Лена была уже не лейтенантом, а старшим лейтенантом госбезопасности, и не Серовой, а Нагулиной, но сути дела это не меняло, если не считать за нечто серьезное тот факт, что товарищ Мехлис умудрился зацепиться и за этот факт «семейственности» в служебных отношениях, еще сильнее ухудшивший его отношение ко мне.

История, кстати, в московском ЗАГСе вышла весьма любопытная. Сам по себе брак между генерал-майором и сотрудницей НКВД никого особо удивить не мог. Лена притащила свидетельницей какую-то свою московскую подругу, которую я раньше никогда не видел, а вот с моей стороны в ЗАГС явился товарищ Берия, о чем по каким-то причинам никто заранее уведомлен не был.

Когда, отловив Берия после очередного заседания Ставки, я сообщил ему о нашем с Леной решении и попросил быть свидетелем при регистрации брака, нарком смерил меня долгим взглядом, в котором я прочитал целую гамму эмоций. Отказываться Берия не стал, хотя нехорошие подозрения о причинах моей неожиданной просьбы у него явно закрались. Да, думаю, даже не подозрения, а полная уверенность. Во всяком случае, на Лену в ЗАГСе он поглядывал как-то уж слишком пристально, но она только мило улыбалась и делала вид, что ничего не замечает.

Больше всех во время регистрации нашего брака волновалась, похоже сотрудница ЗАГСа. Явление товарища Берии произвело на нее неизгладимое впечатление. Лене я тоже заранее ничего не сказал, предупредив лишь, что ее ждет нечто неожиданное. Сюрприз удался.

– Ты что сделал, Нагулин!? – развернулась ко мне Лена сразу после того, как мы остались одни. – Ты зачем его позвал свидетелем? Он же сразу все понял! Теперь он знает, что я тебе все рассказала о вербовке и о моем задании.

– Естественно, он все понял. И я ему действительно благодарен за то, что вольно или невольно он поспособствовал началу наших отношений. И очень хорошо, что теперь Берия обо всем знает, хотя, мне кажется, он и так догадывался. Для тебя никаких последствий не будет, вот увидишь. Ну, разве что, больше никто не захочет от тебя докладов о моем поведении и умонастроениях. Видишь ли, получается, что мы сами известили твое начальство о том, что ты мне все рассказала. Неофициально, но известили. Если бы мы этого не сделали, тебе бы пришлось и дальше делать вид, что ты выполняешь задание НКВД и следишь за собственным мужем. Это был бы очень нехороший обман, который рано и ли поздно обязательно выплыв бы наружу, и вот тогда последствия предугадать было бы действительно сложно. А так...

– Да, наверное, ты прав, – Лена улыбнулась и взяла меня за руку. – С такой точки зрения я эту ситуацию не рассматривала. Все получается очень логично, и, наверное, так действительно лучше. В Наркомате мне дали целые сутки отпуска по случаю вступления в брак, так что давай хотя бы ненадолго забудем о войне и обо всём, что с ней связано.

Возражать я, естественно, не стал.

В Новороссийск мы прибыли вечером. Мехлис немедленно потребовал доставить его в штаб фронта, а я, не задерживаясь, отправился в распоряжение своего авиаполка. На косые взгляды армейского комиссара мне было глубоко плевать. Любая моя операция традиционно начиналась с ночной авиаразведки, и полковник Кудрявцев уже ждал на аэродроме, заранее отдав приказ о подготовке к вылету двухмоторного истребителя Пе-3. В штабе фронта Мехлис явно найдет чем заняться. Несомненно, сегодня же он отстучит телеграмму Сталину о том, как здесь все ужасно организовано и как руководство фронта не владеет обстановкой, утратило инициативу и не знает, где находятся его войска. И, естественно, упомянет в ней мое неадекватное поведение. Вместо того, чтобы изо всех сил приняться накручивать хвосты здешним разгильдиям, мальчишка генерал-майор умотал полетать на самолетике... Да и пусть себе. Главное, чтобы не расстрелял там никого сторяча, но до этого, думается мне, дойти не успеет – к середине ночи я уже вернусь из разведывательного полета.

Следом за нашим с Мехлисом самолетом на аэродром сели два транспортника ПС-84. Прекрасно понимая характер проблем, с которыми мне предстояло столкнуться в Крыму, я запросил с Ленинградского фронта оборудование и специалистов, с которыми мы налаживали систему управления огнем ПВО для отражения массированного налета люфтваффе. Ситуация на Керченском полуострове и в Севастопольском оборонительном районе была во многом схожа с обстановкой в блокадном Ленинграде. Даже линкор «Парижская Коммуна» относился к тому же типу, что и «Марат» и «Октябрьская Революция». Здесь, правда, он был только

один, но тридцатая батарея в Севастополе состояла из двух орудийных башен, снятых с точно такого же линкора «Михаил Фрунзе», который так и не удалось восстановить после крупного пожара, случившегося еще в девятнадцатом году. Удивительное совпадение. В Ленинграде в моем распоряжении тоже находился полноценный линкор типа «Севастополь» и, фактически, неподвижная трехбашенная батарея, в которую превратился «Марат» после попадания тяжелой бронебойной бомбы.

Используя ленинградский опыт и уже прошедших нужную практическую подготовку специалистов, я надеялся достаточно быстро организовать в Крыму единую систему управления огнем главного калибра боевых кораблей и орудий береговых батарей. 305-миллиметровые снаряды объемного взрыва сейчас тоже ехали в Новороссийск спецпоездом. К сожалению, изготовить их успели только две сотни штук, поскольку основной упор делался на калибр двести три миллиметра, подходивший для гаубиц Б-4. Тем не менее, на эти боеприпасы я очень рассчитывал. Керченский полуостров не так уж велик, и орудия линкора типа «Севастополь» могли простреливать его насквозь, да и вглубь территории Крыма можно было дотянуться километров на тридцать от побережья и почти на сорок от башен береговых батарей Севастополя.

Мы летели над ночным Крымом. Кудрявцев молчал, стараясь не отвлекать меня от наблюдений, лишь изредка уточняя курс в контрольных точках. В горной местности не все детали хорошо просматривались со спутников, и иногда я приказывал полковнику немного снизиться и пройти над интересовавшими меня районами еще раз. По большому счету без этого вполне можно было обойтись, но раз уж мы все равно вылетели на разведку, хотелось, чтобы этот полет принес какую-то реальную пользу, кроме устранения лишних вопросов о том, откуда я столько знаю о расположении частей и соединений противника.

Манштейн не зря считался одним из лучших полководцев Гитлера. Он целеустремленно перемещал свои войска и технику, и с каждым днем его замысел вырисовывался для меня все отчетливее. Если раньше вычислитель спасательной капсулы и кое-как слепленная самопальная аналитическая программа лишь отчасти помогали мне в прогнозировании действий противника, то теперь Летра разворачивала передо мной планы немцев во всех деталях. Дроны незримо присутствовали в штабе одиннадцатой армии, передавали на орбиту снимки карт, копии приказов, стенограммы телефонных переговоров и сводки радиоперехвата.

Пользуясь господством в воздухе, немцы вели тщательную авиаразведку. О противостоящей им советской группировке им было известно почти все. Манштейн, получивший в свое распоряжение четвертый воздушный флот Рихтгофена и подтянувший к Феодосии значительные силы тяжелой артиллерии, планировал на начальном этапе операции выжать из данных разведки все, что можно.

Стремясь прорваться вглубь Крыма, генерал-лейтенант Козлов сосредоточил две трети своих войск на северном участке фронта, примыкавшем к берегу Азовского моря. Южный участок занимали относительно слабые силы, прикрывавшие Феодосию и не предпринимавшие активных наступательных действий. Командование Крымского фронта считало, что наступать вдоль берега Черного моря немцы не рискнут, опасаясь тяжелых орудий кораблей Черноморского флота, однако Манштейн рассудил иначе. Он решил воспользоваться относительной слабостью южного участка советского фронта и добиться успеха, используя эффект внезапности, основанный на том, что удара на юге русские не ждут.

Имея в распоряжении только одну танковую дивизию, немецкий командующий решил не дробить свой танковый кулак на части, а использовать стратегию, в миниатюре повторяющую его план по захвату Франции – пробить советскую оборону на слабом участке и развернуться на север, чтобы ударить танками во фланг и тыл более сильной группировке советских войск, перехватывая ее линии снабжения и громя тылы. План был неплох и, честно говоря, имел

все шансы на успех, так что, если я хотел предотвратить нависшую над Крымским фронтом катастрофу, мне следовало действовать без промедления.

К моменту моего появления в штабе фронта, там уже несколько часов происходила форсированная накачка командного состава. Мехлис, не встречая достойного сопротивления, разъяснял Козлову и его подчиненным суть и смысл воинского долга, всячески порицая их за нерешительность перед лицом противника и неспособность нанести сокрушительный удар всеми имеющимися силами. Дело явно шло к срочной подготовке нового наступления, и, судя по лицам генералов, они уже смирились с неизбежным.

Увидев меня, Мехлис не смог сдержать досаду. Своим прибытием я, похоже, обломал ему пылкую речь на морально-политическую тему, к которой он уже собирался перейти от чисто военных вопросов. Однако, пришлось товарищу армейскому комиссару представить меня командованию фронта и даже уступить слово, поскольку я только что вернулся из разведрейда с новыми данными.

– Ну что ж, товарищи командиры, мое видение ситуации вы, я полагаю, уяснили, – Мехлис слегка прищурился и обвел собравшихся пронзительным взглядом. – А теперь генерал-майор Нагулин в деталях разъяснит вам, как и где вы будете наступать и в какие сроки вы должны прорвать фронт и выйти в степные районы Крыма.

Мехлис сделал в мою сторону приглашающий жест. При этом от меня не ускользнула едва заметная нехорошая усмешка, скользнувшая по его лицу.

Я подошел к столу и извлек из портфеля карту с заранее нанесенной текущей обстановкой на фронте. С минуту генералы молча переваривали новые сведения о противнике, и их лица отражали целую гамму чувств, от сомнений и недоверия до мрачного понимания того, что их ждет.

– Не будет никакого наступления, – негромко произнес я в повисшей тишине. – Фронт немедленно переходит к обороне, ограничиваясь демонстративными действиями, имитирующими продолжение подготовки к удару на севере.

– Товарищ Нагулин! – голос Мехлиса взвился до высоких нот, – Ставка и товарищ Сталин ждут от нас решительного успеха! Мы должны мобилизовать все силы, выявить виновных в неудачах последнего месяца, принять верные кадровые решения и немедленно подготовить новое наступление!

– Наступления не будет, товарищ армейский комиссар первого ранга, – мой голос остался столь же спокойным, но в нем появились нотки, напоминающие лязг танковых гусениц. – Немцы знают о каждом нашем шаге, осведомлены о местах размещения армейских и дивизионных штабов, превосходят нас в полевой артиллерии и имеют подавляющее господство в воздухе. У нас осталось два-три дня до их контрнаступления. И первое, что они предпримут, это артиллерийский и воздушный удар по штабам и узлам связи. Всем командармам немедленно сменить расположение командных пунктов и проследить, чтобы нижестоящие штабы тоже в кратчайшие сроки выполнили этот приказ. На прежних местах продолжать имитацию активности. Главный удар противника я ожидаю на южном фланге между Черным морем и селом Кой-Ассан с целью отрезать и блокировать Феодосию и выйти в тыл наших войск на Парпачском рубеже. Танковые бригады в ночное время отвести от передовой, сосредоточить в районе села Арма-Эли, тщательно замаскировать и подготовить к нанесению контрудара по местам предполагаемого прорыва противника. Черноморскому флоту...

– Ваши полномочия, генерал-майор, даны вам не для того, чтобы поощрять и даже самолично насаждать на фронте пораженческие настроения, – Мехлис больше не кричал, но его шипящий голос был услышан каждым из присутствовавших на совещании командиров. – За эти действия вам придется ответить. Я немедленно доложу о вашем произволе товарищу Сталину!

Мехлис развернулся и широким шагом направился к выходу. Никто из генералов не проронил ни слова, а я лишь обозначил легкое пожатие плечами и как можно безразличнее произнес:

– Как вам будет угодно, товарищ армейский комиссар первого ранга.

Глава 4

– Вот теперь, Эрих, мы с тобой настоящие государственные преступники, – негромко произнес Рихтенген, когда фон Тресков вышел из комнаты, аккуратно уложив переданный ему сверток в портфель.

– А до этого было не так? – удивился Шлиман.

– До этого были слова, а теперь началось настоящее дело.

– Не, думаю, что в гестапо смогли бы рассмотреть большую разницу, – усмехнулся майор.

– Это да, – не стал спорить Рихтенген.

– Фон Тресков оказался для нас ценным приобретением, не находишь?

– Весьма ценным, – согласился полковник, – и инициативным, что не менее важно. Идея замаскировать наши изделия под бутылки с ликером мне бы в голову не пришла.

– Ты просто не ценитель этого напитка, – улыбнулся Шлиман.

– Через неделю Гитлер вылетает в Полтаву в штаб группы армий Юг. Если все пройдет удачно...

– Генрих, давай не будем загадывать. Со своей стороны мы сделали все возможное. Во втором отделе Абвера работают грамотные люди, так что за техническую сторону я не волнуюсь. Теперь все зависит от хладнокровия фон Трескова и его способности убедить своего знакомого в свите Гитлера захватить с собой в самолет посылочку для генерала Герсдорфа.

– Этот убедит. Я давно не встречал столь красноречивого человека, как фон Тресков. Но ты прав, не будем загадывать – ждать осталось совсем недолго.

Мы не успевали. До немецкого наступления оставались считанные дни, а готовность фронта к обороне все еще была неудовлетворительной. Генерал-лейтенант Козлов оказался довольно грамотным командиром, но, как и многие другие представители высшего состава Красной армии страдал отсутствием инициативы и полной неспособностью спорить с начальством. Зато как исполнитель четких и недвусмысленных приказов он проявил себя весьма неплохо.

Летра указывала мне на две основных проблемы Крымского фронта. Во-первых, рельеф местности позволял немцам в полный рост использовать свое господство в воздухе. Открытые степи, пересеченные кое-где длинными пологими холмами, облегчали действия вражеской авиации и не давали советским войскам укрыться от налетов пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков.

Пилоты Рихтгофена считались в люфтваффе лучшими специалистами по поддержке наступления наземных войск, что Манштейну сейчас и требовалось. Авиация Крымского фронта и отдельный авиаполк Кудрявцева по численности и подготовке пилотов не шли ни в какое сравнение с немецким четвертым воздушным флотом, располагавшим семью сотнями самолетов.

Второй проблемой виделся резкий скачек эффективности немецких противотанковых средств. Казалось, все новинки в этой области противник решил сосредоточить именно здесь, в Крыму. Новые длинноствольные пушки получили не только «панцеры» двадцать второй танковой дивизии, но и штурмовые орудия пехотных частей. Сюда же стоило прибавить новейшую противотанковую пушку с коническим стволом. Ее весьма скромный калибр двадцать восемь миллиметров, казалось бы, не должен был пугать советских танкистов. Однако, конструкция орудия и снаряд с вольфрамовым сердечником позволяли этой относительно легкой пушке

пробивать броню толщиной до ста миллиметров. Ну и последним штрихом в складывающейся неприглядной картине стали штурмовики «хеншель» Hs 129 в противотанковом исполнении, тоже присланные Манштейну в приличном количестве перед началом наступления.

Все вместе эти средства борьбы с бронетехникой резко снижали живучесть советских танков в бою, а командиры Красной армии еще не осознали всю опасность произошедшего качественного скачка в уровне противотанковых средств противника, и рассчитывали на способность Т-34 и КВ относительно легко отразить предполагаемый удар.

Несмотря на все параллели, которые я проводил между ситуацией в Крыму и под Ленинградом, имелись и существенные отличия. В Ленинграде помимо пушек линкоров «Марат» и «Октябрьская Революция» в моем распоряжении находилась еще и мощнейшая система ПВО города, состоявшая из многих сотен зенитных орудий, прожекторов и аэростатов. Под прикрытием этих сил боевые корабли могли чувствовать себя в относительной безопасности и вести огонь из орудий главного калибра в сравнительно спокойной обстановке.

Здесь же линкор «Парижская Коммуна» был вынужден действовать со стороны открытого моря, и при налете вражеской авиации он мог рассчитывать только на собственные средства ПВО и на зенитные орудия кораблей сопровождения, что было чревато большими проблемами и высоким риском потерять единственный крупный линейный корабль Черноморского флота. Соответственно, использовать тяжелые корабли я мог только ночью, а это существенно снижало возможности по поддержке наземных войск корабельной артиллерией.

Летра смотрела на перспективы Крымского фронта без всякого энтузиазма. Я гонял вычислитель Лунной базы на пределе расчетной мощности, заставляя его анализировать многие тысячи сценариев развития событий, но если отбросить маловероятные варианты, связанные с фатальным невезением для немцев и феерической удачей на стороне Красной армии, картина вырисовывалась безрадостная.

Феодосию мы теряли при любом раскладе. Варьировалась лишь дата ее падения, но в любом случае это происходило не позже, чем через неделю после начала немецкого наступления. Даже в лучших вариантах продвижение немцев к Керчи удавалось только задержать. Остановить противника хотя бы на Парпачском перешейке получалось в очень редких и довольно экзотических ветвях прогноза, связанных с ошибками и просчетами немецкого командования, которые, конечно, регулярно случались, но рассчитывать на них в базовом сценарии было бы странно.

В конце концов, я пришел к выводу, что искать решение, ограничиваясь средствами одного лишь Крымского фронта, бессмысленно, и выдал Летре новое задание. Теперь я смотрел на карту всего советско-германского фронта. За время, оставшееся до немецкого удара, почти ничего изменить было нельзя, за одним весьма важным исключением, и исключением этим стали самолеты.

Гигантский фронт, перечеркнутый замысловатой линией всю страну с севера на юг, застыл в неустойчивом равновесии, где-то увязнув в грязи распутицы, где-то стабилизировавшись из-за полного истощения сил сторон, а где-то, как в Крыму, замерев ненадолго перед тем, как взорваться вихрем огня и стали. Далеко не везде в ближайшее время стоило ожидать каких-то значимых событий, и я поставил перед Летрой задачу рассчитать сколько и откуда можно снять авиации, не нанося критического урона устойчивости соответствующих участков обороны.

Вечером я, пользуясь полномочиями представителя Ставки, отправил в Москву длинную телеграмму, изложив свой взгляд на ситуацию в Крыму. Судя по тому, что в течение дня Мехлис меня не трогал, умотав по своим морально-политическим делам куда-то в армейские штабы, на его вопли по поводу моего произвола Сталин пока никак не отреагировал, и мне оставалось только догадываться, что Вождь будет делать, получив обе наши телеграммы. Мех-

лису Верховный доверял если и не безоговорочно, то в весьма значительной степени, но и я ведь ни разу пока его ожиданий не обманывал. В любом случае, мне оставалось только ждать.

Лену я не видел уже почти сутки. Она отправилась к вице-адмиралу Октябрьскому в компании с генерал-лейтенантом Зашихиным. Узнав, для чего мне требуются люди и техника, командующий Ленинградским корпусным районом ПВО задал мне простой вопрос:

– Товарищ генерал-майор, вы в Крыму планируете лично заниматься организацией единой системы огня по образу и подобию того, что было сделано в Ленинграде?

Я задумался на несколько секунд, быстро сообразив, к чему клонит генерал-лейтенант. Лена, конечно, очень неплохо знала, что нужно делать, но ее невеликое звание вряд ли позволило бы ей нормально договориться с командованием Черноморского флота.

– Я планировал участвовать в этом деле только на начальном этапе, а дальше рассчитывал на ваших людей и старшего лейтенанта госбезопасности Нагулину.

– Угу, – кивнул Зашихин, – и они упрутся в первую же техническую или организационную проблему, для решения которой понадобится кто-то из высших командиров. Уверяю вас, при налаживании нестандартных взаимодействий между армией и флотом таких проблем будет вагон. Да вы и сами это прекрасно знаете – проходили уже.

– Думаю, вы правы, Гавриил Савельевич, – кивнул я, с интересом глядя на генерал-лейтенанта, получившего новое звание за нашу совместную операцию.

– Мне нужно лететь с вами, – категорично заявил Зашихин. – Вот тогда мы там все наладим быстро и без проблем. И кого-нибудь из штаба адмирала Трибуца надо взять обязательно – морякам проще будет друг с другом договориться. Сможете это со Ставкой согласовать?

Сталин сидел за рабочим столом и, посасывая мундштук незажженной трубки, задумчиво разглядывал разложенные перед ним документы. Поверх остальных бумаг лежали две телеграммы. Одна из них пришла еще рано утром от Мехлиса, а другая, за подписью Нагулина, поступила поздно вечером.

Проверенный коммунист Мехлис, чья безоговорочная преданность и честность не вызывала у Вождя никаких сомнений, вел себя вполне ожидаемо. В том, что с Нагулиным они не сработаются, Сталин ни секунды не сомневался, но считал, что их конкуренция и быстро возникшая взаимная неприязнь послужат дополнительными стимулами в решении сложного клубка проблем, который все больше напоминала обстановка в Крыму.

Мехлис клеймил командование Крымского фронта последними словами, особенно упирая на полное несоответствие генерал-лейтенанта Козлова и его начальника штаба Толбухина занимаемым должностям. Утверждал, что поездки в войска они воспринимают, как наказание, а фронтом руководят издали, предпочитая большую часть времени отсиживаться по ту сторону Керченского пролива. Еще он требовал срочно усилить фронт пехотой и танками, поскольку в бездарных наступлениях, предпринятых Крымским фронтом в последние недели, было потеряно много техники и личного состава. Подготовку к решительному наступлению, по мнению Мехлиса, Козлов полностью провалил и в принципе не был способен ее эффективно организовать. Досталось, естественно, и Нагулину. Тут пошло в ход и самоуправство, и полное игнорирование задачи, поставленной Ставкой, и, наконец, прямой саботаж подготовки наступления, выразившийся в приказе перейти к обороне и ограничиваться лишь имитационными действиями, направленными на введение противника в заблуждение о якобы готовящемся ударе на севере полуострова.

Здесь Сталин непроизвольно нахмуриться. Утром, сразу после прочтения первой телеграммы, этот неожиданный и ни с кем не согласованный приказ молодого представителя ставки вызвал у него возмущение, на что, видимо, Мехлис и рассчитывал. Тем не менее, Верховный

главнокомандующий помнил о том, что целесообразность действий Нагулина уже не раз ставилась под сомнение в самых разных ситуациях, и почти всегда эти сомнения оказывались необоснованными. Поэтому он предпочел немного подождать и не принимать скоропалительных решений. В итоге этот подход оказался верным.

В поступившей вечером телеграмме Нагулин подробно объяснил свою позицию, и его аргументы, как минимум, заслуживали внимательного рассмотрения и порождали ряд серьезных опасений.

Единственное, в чем Мехлис и Нагулин друг другу не противоречили, так это в необходимости срочной переброски подкреплений на Керченский полуостров. Только первый просил пехоту и танки, а второй – истребители. В принципе, против наземных войск Нагулин, наверное, тоже не стал бы возражать, но, по его мнению, момент уже был упущен и на их доставку в Крым просто не осталось времени.

– Товарищ Сталин, прибыли маршалы Шапошников и Будённый и генералы Жуков и Жигарев, – доложил бесшумно появившийся в дверях кабинета личный помощник Вождя Поскребышев.

Сталин молча кивнул, и вышел из-за стола навстречу входящим в кабинет высшим военным руководителям СССР. Все четверо приглашенных уже видели копии телеграмм, поступивших с Крымского фронта, так что вводить их в курс дела Сталину не пришлось.

– Начнем с вас, Борис Михайлович, – обратился Верховный к начальнику генштаба, когда посетители разместились за длинным столом для совещаний. – Позиция товарища Мехлиса мне предельно ясна и в комментариях не нуждается. Что вы думаете о телеграмме, поступившей от генерал-майора Нагулина?

– Очень неприятная информация, Иосиф Виссарионович, – выдержав небольшую паузу, ответил Шапошников. – Скажу честно, получи я такую телеграмму от генерал-лейтенанта Козлова, я бы заподозрил его в панических настроениях или в неадекватной оценке сил противника. Что же касается товарища Нагулина, могу сказать, что еще ни разу не замечал за ним каких-либо признаков беспричинной паники, и, если уж после лично проведенной авиаразведки он утверждает, что без немедленного усиления фронта авиацией нам не удастся избежать тяжелого поражения, я бы, как минимум, очень внимательно прислушался к этому мнению.

Сталин кивнул Шапошникову, показывая, что принял к сведению его слова и перевел взгляд на Будённого.

– А что нам скажет по этому вопросу главноком Северо-Кавказского направления? Снабжение Крымского фронта всем необходимым и контроль за действиями генерала Козлова находятся в вашем ведении, товарищ маршал. Что вы думаете по поводу слов Мехлиса и Нагулина о состоянии дел на Керченском полуострове?

– До последнего времени причин для столь резких оценок не было, товарищ Сталин, – четко ответил Будённый. – Однако, во многом мое понимание положения в Крыму строилось на докладах генерала Козлова, в свою очередь основанных на данных фронтовой разведки. Не верить оценке товарища Мехлиса я оснований не вижу, тем более что, по моим собственным впечатлениям, генерал-лейтенант Козлов проявляет себя на посту командующего фронтом не с лучшей стороны.

– Оставим пока товарища Козлова, – слегка поморщился Сталин, – я понимаю ваше желание получить вместо него кого-либо вроде Гинденбурга, но вы не можете не знать, что у нас в резерве нет Гинденбургов. В целом ваша позиция мне понятна, хотя, я надеялся услышать от вас более конкретный ответ.

Сталин положил на стол трубку и обвел взглядом собравшихся.

– Кто еще хочет высказаться, товарищи?

– На мой взгляд, Лев Захарович сгущает краски, – взял слово Жуков. – Я сейчас не о положении в Крыму, а о действиях генерал-майора Нагулина. Этот человек зря волну под-

нимать не станет. Я видел, как он действовал под Ленинградом. Другой бы давно верещал о пополнениях и резервах, а Нагулин решил поставленную задачу имевшимися в наличии силами, хотя даже у меня в какой-то момент возникло ощущение, что он не справится. Когда такой командир говорит о необходимости срочного перехода к обороне и требует немедленной переброски авиации, у меня возникает непреодолимое желание дать ему вдвое больше самолетов, чем он запрашивает.

– Полностью согласен, – поддержал Жукова Шапошников.

– Вот как? – усмехнулся Сталин. – Похвальное единодушие, однако я бы хотел вам напомнить, товарищи, что если бы у нас была возможность каждому командующему фронтом или представителю Ставки немедленно отправлять вдвое больше танков, самолетов и артиллерии, чем он просит, мы бы уже пили чай в Берлине, а то и на берегу Ла-Манша. Товарищ Жигарев, в телеграмме генерал-майора Нагулина приведено обоснование количества самолетов, которые мы можем ему отправить без критического ущерба для других участков фронта. Ставку интересует ваше мнение о том, действительно ли мы можем снять и перебросить в Крым часть истребителей из этих фронтовых авиагрупп и не получить в результате непоправимых последствий для наземных войск.

Жигарев ответил не сразу. Окинув всех участников совещания внимательным взглядом, командующий военно-воздушными силами Красной армии негромко произнес:

– Товарищи, а вам не кажется, что для генерал-майора, совсем недавно получившего высокое звание и впервые направленного Ставкой на один из фронтов, товарищ Нагулин слишком много знает о численном составе наших ВВС, их структуре и распределении по фронтам и армиям? Честно вам скажу, судя по его телеграмме, осведомлен он не хуже меня.

Возникла пауза. Отвечать на слова главкома ВВС никто не торопился.

– Это действительно важный вопрос, товарищ Жигарев, – наконец, медленно проговорил Сталин, – и позже мы к нему обязательно вернемся, но сейчас Ставку интересует не осведомленность генерал-майора Нагулина о делах ВВС, а ваше мнение о выполнимости его предложений. Ваше честное и объективное мнение.

Как и большинство немецких генералов, Вольфрам фон Рихтгофен не испытывал оптимизма по поводу событий на Восточном фронте. Всего месяц назад его назначили на должность командующего четвертым воздушным флотом, поддерживавшим действия группы армий «Юг», но, к собственному удивлению, никакого удовлетворения от этого повышения генерал-полковник не испытал.

Во время Польской кампании он командовал авиа частью специального назначения, а потом восьмым авиакорпусом люфтваффе. Его корпус поддерживал наземные войска в войне с Францией, участвовал в Битве за Англию, Балканской операции и захвате острова Крит. Не всё и не всегда шло гладко, но это были обычные реалии войны, ведущейся против сильных или не очень сильных противников.

Здесь, в России, поначалу все шло просто замечательно. Без потерь, конечно, не обходилось, но люфтваффе с первого дня вторжения в СССР прочно удерживало господство в воздухе, и боевой счет лучших немецких пилотов стремительно рос, достигая трехзначных чисел. Белосток, Минск, Витебск, Лепель, Смоленск... Русские отступали, теряя многие сотни тысяч солдат убитыми и пленными, бросая технику, сжигая свои многочисленные танки в неподготовленных и плохо скоординированных контрударах. Нужно признать, иногда у них все-таки что-то получалось, и когда наземные части вермахта начинали буксовать, в дело вступал его корпус, с воздуха решая проблемы, возникавшие у танкистов и пехотинцев.

Поддержка наступления на Ленинград... Здесь стало уже сложнее, выросли потери, но все это еще вполне укладывалось в представления Рихтгофена о том, как должна идти кампания на востоке. А потом, в октябре сорок первого, его авиакорпус перебросили под Москву, и здесь началась уже совсем другая война. На этой насквозь промерзшей земле он понял, что значит терять десятки самолетов за один вылет.

О русском корректировщике, способном с убийственной точностью стрелять по воздушным целям, ему рассказал некий полковник из Абвера на одном из совещаний в штабе группы армий «Центр». Поверить в услышанное Рихтгофену оказалось непросто, но совсем скоро ему пришлось лично убедиться в том, что абверовец ничуть не преувеличивал.

Катастрофа под Москвой подкосила силы люфтваффе. Операция по снабжению окруженных армий с помощью транспортных самолетов началась неплохо, но совершенно неожиданно завершилась разгромом воздушного моста и провалом всех попыток подавить русские позиционные районы ПВО, наносившие тяжелые потери воздушным конвоям, пытавшимся прорваться в Московский котел.

А потом... Потом был массированный налет на Ленинград, воспоминания о котором каждый раз надолго портили генерал-полковнику настроение. Командовал этой операцией не он, но для ее проведения из его корпуса забрали полсотни бомбардировщиков, пообещав вскоре их вернуть. Не вернули. Рихтгофен знал, кому люфтваффе обязано полным провалом «химического» налета на стиснутый кольцом блокады город, и теперь, планируя свои действия по поддержке войск Манштейна в Крыму, он не сомневался, с чем, а точнее, с кем ему придется иметь дело.

Тогда, под Москвой, Рихтгофен хорошо запомнил слова полковника Рихтенгдена, а последующие события не дали ему о них забыть. Узнав о готовящемся наступлении в Крыму, генерал-полковник отправил запрос в Абвер. Вылететь в Крым сразу Рихтенгден не смог. Ему требовалось закончить какие-то срочные дела в Берлине, но в итоге он все-таки прибыл в Симферополь, и, как доложили командующему четвертым воздушным флотом, вот-вот должен был прибыть в его штаб.

Срочная командировка в Крым оказалась для Рихтенгдена полной неожиданностью, причем неожиданностью не очень приятной. Выпускать из рук контроль за подготовкой операции фон Трескова ему совершенно не хотелось. Тем не менее, узнав о причине вызова, Рихтенгден оставил дела на майора Шлимана и вылетел в Симферополь.

Генерал-полковник Рихтгофен выглядел усталым и напряженным. Подготовка к контр-наступлению на Феодосию и Керчь требовала от командующего четвертым воздушным флотом полной отдачи, так что спал он, похоже, часа по четыре в сутки. Время Рихтгофен ценить умел и перешел сразу к делу.

– Полковник, вы, насколько я знаю, уже полгода занимаетесь русским корректировщиком?

– Да, герр генерал-полковник, – подтвердил Рихтенгден, – и, к сожалению, не могу похвастаться большими успехами в этом деле.

– Я в курсе, – кивнул генерал. – Будь иначе, наша беседа не имела бы смысла. Меня интересует ваше мнение о том, насколько вероятно, что в момент начала нашего наступления этот русский окажется в Крыму.

– Думаю, он уже здесь, – спокойно ответил Рихтенгден.

– Это только предположение, или вы располагаете конкретными сведениями?

– Предположение, но я оцениваю его достоверность, как очень высокую. Крым сейчас – самый напряженный участок Восточного фронта. Отсюда русские могут угрожать всему

южному флангу наших войск, а также совершать налеты на нефтепромыслы в румынском Плоешти. Насколько я знаю генерал-майора Нагулина, подобные места его притягивают, как магнит.

– Генерал-майора?

– Ну, во всяком случае, именно с такими знаками различия его встретил наш сотрудник пару месяцев назад. Правда, за полгода до этого он же видел Нагулина в форме младшего лейтенанта, так что в этом вопросе сложно быть до конца уверенным.

– Ваш человек дважды встречался с этим русским? И почему Нагулин до сих пор жив?

– Трудно убить вражеского генерала, являясь пленным, герр генерал-полковник, – негромко ответил Рихтенгден.

– Ясно, – Рихтгофен перевел взгляд на степной пейзаж за окном. – Как бы то ни было, вы, полковник, лучше всех знаете этого человека, а мне необходимо иметь хотя бы примерное представление о том, к каким неприятным сюрпризам следует подготовиться моим пилотам.

– К сожалению, я знаю его не так хорошо, как мне бы хотелось, – с ноткой досады в голосе ответил Рихтенгден. – Раньше я думал, что могу читать его, как открытую книгу, но, как оказалось, Нагулин способен на неожиданные импровизации. Что он придумает теперь, точно вам не скажет никто, но в одном я уверен на сто процентов: он почти никогда не отказывается от приемов, которые принесли ему успех в прошлом. Я бы рекомендовал вам тщательно изучить опыт неудачного налета на Ленинград, герр генерал-полковник. Скорее всего, с чем-то подобным вы столкнетесь и здесь.

– Заградительный огонь шрапнельными снарядами главного калибра русского линкора?

– И это тоже.

– Что еще?

– По нашим данным, у Нагулина в личном подчинении имеется серьезная авиачасть. От пятидесяти до ста самолетов, вооруженных новейшими бомбами повышенной поражающей способности. Действовать он предпочитает ночью. Излюбленные цели – штабы, узлы связи, склады боеприпасов и, что для вас наиболее неприятно, аэродромы. При этом его пилоты демонстрируют совершенно невозможную для ночных атак точность бомбометания.

– Плохо. Ночных истребителей у меня почти нет.

– Они все равно не справляются, герр генерал-полковник. Попытки остановить русского стрелка с помощью «дорнье» и «сто десятых», оборудованных радиолокаторами и ночными прицелами, уже не раз предпринимались. Некоторый успех был достигнут, но остановить его все равно не получалось. Думаю, вы сами это знаете.

– Естественно, знаю. Не примите, как упрек, полковник, но я не для того вызвал вас из Берлина, чтобы выслушивать давно известные мне сведения. Мне требуются конкретные рекомендации. Я не хочу, чтобы мои самолеты горели кострами на земле Крыма. Насколько я слышал, вы предприняли ряд попыток уничтожить русского стрелка. Да, ни одна из них не привела к желаемому результату, но несколько раз вы были близки к успеху, причем дважды Нагулин смог выжить буквально чудом. Возможно, тогда вам просто не повезло, или же непосредственным исполнителям не хватило мастерства и профессионализма. Мне тоже нужен такой шанс, и, будьте уверены, я его не упущу.

Рихтенгден несколько секунд с интересом рассматривал командующего четвертым воздушным флотом, с лица которого при последних словах исчезли все признаки усталости, а в глазах уже немолодого летчика, еще в Первую мировую одержавшего восемь воздушных побед, вновь зажегся огонь боевого азарта.

– Хорошо, герр генерал-полковник, – наконец, с легкой усмешкой произнес Рихтенгден, – у вас будет такой шанс. Только давайте выйдем из здания штаба, сядем в крытый кузов первого попавшегося грузовика и прикажем водителю выехать за город. В дороге я вам все расскажу.

– Не понял, – правая бровь Рихтгофена поползла вверх. – Объяснитесь, полковник. Вы что, подозреваете преда...

– Ни в коем случае, – негромко, но твердо остановил генерала Рихтенгден. – Но ни я, ни мои коллеги по контрразведке не знаем всех возможностей этого человека и тех служб, которые обеспечивают его работу. – По косвенным данным...

– Можете не продолжать, полковник, – произнес Рихтгофен, вставая. – В этих вопросах я полностью доверяю Абверу. Ради такого дела можно и потерпеть пару часов тряски в кузове «бюссинга».

Всю ночь армейские, корпусные и дивизионные штабы Крымского фронта стояли на ушах. Мой приказ сорвал их с насиженных мест и заставил срочно менять дислокацию. Естественно, это привело к первостатейному бардаку, замедлению реакции командования на доклады из боевых частей, а местами и к полной потере связи с войсками.

Не получив пока никакого ответа от Сталина на свою разоблачительную телеграмму, Мехлис слегка поумерил пыл, но, видя этот беспредел, он все же не выдержал.

– Товарищ Нагулин! Вы что, не видите, к чему приводят ваши приказы?! Если по вашим же собственным словам немцы готовят наступление, то зачем вы устроили этот ночной переезд? Вместо того, чтобы управлять войсками, штабы грузятся в машины и куда-то уезжают. Пока они прибудут на новые места, пока снова протянут проводную связь, войска будут оставаться без должного управления. Это саботаж, если не сказать хуже!

– А вы говорите, как есть, товарищ армейский комиссар первого ранга, – я развернулся к Мехлису и внимательно посмотрел ему в глаза. – К чему стесняться? Мы ведь не в институте Благородных девиц. Здесь фронт, и, сказав «А», следует говорить и «Б». Вы обвиняете меня в предательстве? В умышленной дезорганизации управления войсками накануне немецкого наступления? Я правильно вас понимаю?

Вот так, прямо в лоб, вешать на меня расстрельные статьи Мехлис пока еще явно не созрел, но и сдавать назад тоже было не в его характере. Комиссар с ненавистью смотрел на меня, а случившиеся рядом генералы и полковники тихо расползались в стороны, не желая быть втянутыми в конфликт полномочных представителей Ставки. Я не стал ждать, пока Мехлис найдет нужные слова и вновь заговорил сам:

– Можно было, конечно, оставить все как есть, и еще сутки, а может, даже двое, штабы продолжают спокойно работать. Вот только потом сюда прилетят пилоты Рихтгофена и снаряды тяжелых гаубиц, и управлять войсками станет просто некому. Знать об угрозе удара по штабам и ничего не делать – это не предательство?

– Не нужно путать понятия «знать» и «предполагать», генерал-майор, – тоном ниже произнес Мехлис. – Может быть у вас есть пленный немецкий генерал, который на допросе рассказал о планах люфтваффе? Или же некий герой из фронтовой разведки пробрался в штаб Манштейна и выкрал секретную директиву? Так ведь нет! У вас есть только ваши измышления о том, как бы вы поступили на месте немецкого командующего, и, исходя из этих видений, навеянных собственным воспаленным воображением, вы срываете выполнение вами же отданного приказа о переходе фронта к обороне, безоглядно ломая на многие часы всю структуру управления фронтом!

Не был Мехлис тупым идиотом. Вот ни разу! Излишне резким, неуравновешенным, способным «махать шашкой», толком не разобравшись в проблеме, даже, местами, неадекватным, но не тупым. Логика в его словах, несомненно, присутствовала. И, что самое обидное, он совершенно искренне болел за дело и считал свои действия единственно верными в данной ситуации. Нервозность, взвинченность и фанатичность – страшная смесь. Зачем Сталин

отправил его на фронт? Этот кадр мог бы пригодиться в тылу – где-нибудь, где нужно «держать и не пущать». Его конек – критиковать, ломать, разрушать кем-то сделанное, но создать что-то свое – это не к Мехлису. Нельзя таких людей подпускать к армии, к сложному производству, к науке... Однако, выбора мне никто не предлагал, и приходилось работать с тем, что есть, то есть с Львом Захаровичем.

– Я могу ошибаться, товарищ армейский комиссар первого ранга, но у меня, по крайней мере, есть четкий план действий, а что предлагаете вы? Я сейчас не о кадровых перестановках, а о конкретном деле.

– Ставка поставила перед нами четкую и ясную задачу, товарищ Нагулин, и задача эта – наступление, прорыв вглубь Крыма и деблокада Севастополя. Именно этим должен заниматься фронт, а не судорожной передислокацией штабов, рытьем окопов и углублением противотанковых рвов! Я доложил о вашем самоуправстве в Ставку. Уверен, мы скоро получим ответ из Москвы, и тогда станет окончательно ясно, кто из нас правильно понимает приказы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.